

Мессия Дюны

Автор:

[Фрэнк Герберт](#)

Мессия Дюны

Фрэнк Герберт

Вселенная Дюны Хроники Дюны #2

«Мессия Дюны» – вторая книга культового сериала Фрэнка Герберта. В стане недовольных политикой Пауля Атрейдеса, императора всей известной Вселенной, зреет заговор. Но как осуществить его, если император наделен провидческим даром?..

Фрэнк Герберт

Мессия Дюны

Frank Herbert

DUNE MESSIAH

Печатается с разрешения Herbert Properties LLC и литературных агентств Trident Media Group, LLC и Andrew Nurnberg.

© Frank Herbert, 1969

© Перевод. Ю. Соколов, 2016

* * *

Пауль Муад'Диб, Император-ментат, и сестра его Алиа окружены таким количеством легенд, что под покровом их трудно разглядеть живых людей. Но в конце концов существовал же мужчина по имени Пауль Атрейдес и женщина, звавшаяся Алией. И они жили и совершали поступки в пространстве и времени. Пусть пророческие способности уводили их обоих за пределы привычной людям Вселенной, все равно они принадлежали к числу людей, и случавшиеся с ними реальные события оставляли реальный след в реальной Вселенной. Чтобы понять Императора и сестру его, придется усвоить, что падение их стало бы катастрофой для всего человечества. И поэтому эта работа посвящается не Муад'Дибу, не Алие... она посвящается их наследникам, – всем нам.

(Посвящение к Изречениям Муад'Диба,

скопированное с Мемориальных таблиц Культа Духа Махди)

Время правления Муад'Диба породило куда больше историков, чем любая другая эра в истории человечества. Некоторые из них противились исступленному сектантству. Но нельзя отрицать – человек этот пробудил религиозное кипение на многих мирах.

Конечно же, именно судьба его воплотила в себя ход истории, со всеми идеальными и идеализированными моментами. Человек, которого звали Паулем Атрейдесом, принадлежал к древнему и великому роду. Он обладал глубочайшими познаниями в прана-бинду; мать его, леди Джессика, обучила сына всему, что знают сестры Бене Гессерит – в том числе тщательнейшему контролю за нервами и мускулами. Более того, его воспитали ментатом, а значит, интеллект его превосходил все возможности греховных компьютеров, которыми пользовались древние.

И все же в первую очередь Муад'Диб был Квисатц Хадерах – в нем достигла своей вершины генетическая программа, на которую Сестры потратили тысячелетия.

И этот Квисатц Хадерах – тот, кто мог присутствовать «сразу во многих местах» – пророк, через которого сестры Бене Гессерит намеревались управлять судьбами рода людского... этот человек стал Императором Муад'Дибом и взял в жены дочь побежденного им Падишах-Императора.

Поразмыслите над парадоксом – миг высшей славы уже таит в себе грядущее падение. Вы читали труды историков и представляете последовательность фактов. Вольные фримены Муад'Дибана наголову разбили войско Падишах-Императора Шаддама IV. Они взяли верх над его личной гвардией – сардаукарами, над союзными силами Великих Домов, над войсками Харконненов и наемниками, оплаченными Ландсраадом. Муад'Диб сумел поставить на колени Гильдию Космогации, а потом возвел свою сестру Алию на престол духовной власти, которую сестры Бене Гессерит давно считали своим наследственным достоянием.

Он сумел сделать все это, но не только это.

Квизарат Муад'Дибана раздул пламя религиозной войны на всю Вселенную. Да, джихад полыхал целых двенадцать лет, но по истечении их фанатики Муад'Дибана покорили его власти чуть ли не все человечество.

Все это стало возможным лишь потому, что власть над Арракисом – эту планету чаще называют Дюной – позволила новому Императору овладеть предельной ценностью империи: гериатрической Пряностью, или меланжей... ядом, дающим жизнь.

Вот вам один ингредиент идеальной истории – вещество, что противодействует времени. Нет меланжи – и сестры Бене Гессерит уже не способны проявлять свою власть над человеческой психикой, над человеком. Нет меланжи – и Гильдия Космогации не в силах водить корабли через пространство. Нет меланжи – и миллионы и миллионы подданных империи умрут без привычного дурмана.

Без меланжи не мог пророчествовать и сам Пауль Муад'Диб.

Теперь нам понятно, что миг наивысшего взлета уже предвещал падение. И ответ неизбежен: точное и всеобъемлющее знание будущего сулит смерть.

В разных исторических трудах вы прочтете, что Муад'Диб пал жертвой заговора, объединившего Гильдию, сестер Бене Гессерит и сведущих в науке, но аморальных Бене Тлейлаксу, прибегнувших к помощи лицеделов. Кое-кто во всем обвиняет шпионов в окружении Муад'Диб. Многие кивают на Таро Дюны, так помешавшее провидческому оку Муад'Диб. Иные доказывают, что Императора вынудили прибегнуть к услугам гхолы – трупа, которому была возвращена жизнь, чтобы погубить Муад'Диб. И забывают, что этим гхолой стал Дункан Айдахо, приближенный Атрейдесов, погибший, спасая жизнь юного Пауля.

Кое-кто обращается к каббале Квизарата, возглавлявшегося Корбой Панегиристом. Шаг за шагом раскрывают они план Корбы, возжелавшего сделать из Муад'Диб мученика и возложить вину за это на Чани – фрименку-наложницу Императора.

Разве можно подобными методами объяснить все известные факты? Нельзя! Только учитывая смертоносную природу пророческого дара, можно понять истинную причину падения такой огромной и зоркой силы.

Будем же надеяться, что настоящее откровение послужит уроком новым историкам.

Бронсо Иксианский. Анализ истории Муад'Диб

* * *

Между людьми и богами нет резкой грани: люди становятся богами, а боги превращаются в людей.

(«Афоризмы Муад'Диб»)

Затевая свой губительный заговор, Скитале, лицедел тлейлаксу, не мог отделаться от прискорбного и неуместного сочувствия.

Без удовольствия обрекаю я Муад'Диб на горести и на смерть, говорил он себе.

Подобное благородство приходилось таить от соучастников. Впрочем, чувства эти всего лишь свидетельствовали, что, как и положено тлейлаксу, лицедел неосознанно отождествлял себя с жертвой, не с нападающими.

Погрузившись в безмолвное раздумье, Скитале держался поодаль. Прочие спорили о психическом яде. Разговор шел жаркий и колкий, но вежливый, в тоне безличного сопереживания, что подобает адептам великих школ, если речь идет об основных догмах.

– Когда вы сочтете, что проткнули его насквозь, – именно тогда обнаружится, что он даже не ранен!

Говорила старая Гайя-Елена Мохийам – Преподобная Мать ордена Бене Гессерит и хозяйка на Валлахе IX. Худая фигура старой ведьмы в черных одеждах покоилась в плавающем кресле слева от Скитале. Откинутый на спину капюшон ее абы открывал морщинистое лицо под серебряной шапкой волос. Из глубоких глазниц на обтянутом кожей черепе остро блестели глаза.

Все говорили на языке мирабхаса. Гласные соединяли фаланги пригнанных друг к другу согласных. Этот речевой инструмент позволял передавать известные эмоциональные тонкости. Навигатор Гильдии Эдрик как раз сделал Преподобной Матери насмешливый словесный реверанс – очаровательный образец вежливой колкости.

Скитале поглядел на посла. Тот плавал в контейнере с оранжевым газом в нескольких шагах от лицедела. Контейнер располагался прямо в центре прозрачного купола, сооруженного Бене Гессерит специально для этой okazji. Гильдиер казался рыбой в водах странного моря. Удлиненная фигура его несколько напоминала еще человеческую, несмотря на перепончатые ступни и огромные мембраны ластообразных кистей. Клапаны бака попухивали бледным оранжевым дымком, пахло гериатрической Пряностью, или меланжей.

– Если мы решимся идти этим путем, глупость погубит нас, – проговорила четвертая из присутствующих, пока еще только потенциальная союзница. «Принцесса Ирулан, жена – всего лишь официально, – напомнил себе Скитале, – их общего врага». Красавица стояла возле бака с Эдриком. Высокая и белокурая, в великолепном одеянии из голубого китового меха и изысканно подобранной шляпке. В ушах ее поблескивали золотые диски. Держалась она с надменностью,

как и подобает высшей знати, но сосредоточенная безмятежность ее свидетельствовала о самоконтроле, воспитанном Бене Гессерит.

От языковых и физиогномических нюансов мысли Скитале перешли к другим тонкостям – к месту, где они находились. Купол окружали холмы, покрытые подтаявшим снегом, в синих влажных лужах отражались лучи небольшого голубого солнца, медленно ползущего по меридиану.

Почему именно здесь? – раздумывал Скитале. Бене Гессерит ничего не делали случайно. Например, прозрачный купол выбран потому, что всякое замкнутое помещение могло бы вызвать у гильдиера нервозность. Подверженность Гильд-навигаторов клаустрофобии на любой планете объяснялась привычкой к просторам открытого космоса, в котором они обитали от самого рождения.

Но сооружать такое здание только для удобства Эдрика... впрочем, этот жест словно подчеркивал слабость Гильдии.

Так что же здесь, думал Скитале, припасено для меня?

– А вам, Скитале, разве нечего сказать? – удивилась Преподобная Мать.

– Вы хотите втянуть и меня в эту дурацкую болтовню? – спросил Скитале. – Отлично. Мы имеем дело с мессией... потенциальным. На такого не нападешь в лоб. Мученическая кончина его будет нашим поражением.

Взоры собравшихся были обращены на него.

– Вы видите опасность лишь в этом? – требовательно скрипучим голосом произнесла Преподобная Мать.

Скитале пожал плечами. Для этой встречи он выбрал простодушную круглую физиономию, жизнерадостную, с выпяченными губами, и пухлое тело. Внимательно приглядевшись ко всем остальным, он понял, что инстинктивно выбрал идеальное обличье. Только он один из присутствующих был способен изменять черты лица и телосложение. Человек-хамелеон, лицедел. Облик этот как бы позволял остальным относиться к нему свысока.

– Ну? – настаивала Преподобная Мать.

– Считайте, что молчание доставляло мне удовольствие, – произнес Скитале. – Оно лучше пустой перепалки.

Преподобная Мать откинулась назад; Скитале заметил, что она заново оценивает его. Все присутствующие глубочайшим образом были тренированы в прана и бинду, все умели управлять мышцами и нервами своего тела в недостижимой для простых людей мере. Но контроль лицедела Скитале над своим телом в такой же мере превосходил возможности собравшихся; к этому добавлялось особое симпатическое умение, глубокое проникновение мима – он умел имитировать не только внешность других людей, но и личность.

Позволив Преподобной заново приглядеться к нему и пересмотреть первоначальное впечатление, Скитале проговорил:

– Яд! – Слово это он произнес с обертонами, обозначавшими, что лишь он один, и никто более, понимает глубинный смысл этого слова.

Гильдиец шевельнулся, из шарика громкоговорителя, кружившего вокруг угла контейнера над головой Ирулан, слышался его голос:

– Но мы ведь говорим о психическом яде, не о физическом.

Скитале рассмеялся. В мирабхаса смех означает полное уничтожение оппонента, но он не старался сдерживаться.

Ирулан с тонким пониманием усмехнулась, но сузившиеся глаза Преподобной Матери говорили о зарождающемся гневе.

– Немедленно прекратите! – резко приказала она.

Скитале умолк, но теперь внимание всех было привлечено к нему: Эдрик сердито молчал, Преподобная Мать гневалась и приглядывалась, озадаченная Ирулан казалась заинтересованной.

– И как это друг наш Эдрик осмелился предположить, – начал Скитале, – что двое ведьм-гессериток, посвященных во все тайные козни Ордена, не освоили до тонкости искусства обмана?

Мохийам отвернулась и стала смотреть на стылые холмы родной планеты сестер Бене Гессерит. «Начинает понимать, – подумал Скитале. – Хорошо. Ирулан – дело другое...»

– Так вы с нами, Скитале, или же нет? – спросил Эдрик, поглядывая на него своими крошечными красными крысиными глазками.

– Дело не во мне и не в моем участии, – произнес Скитале, не отводя глаз от Ирулан. – Вы, принцесса, сейчас размышляете о том, стоило ли проделать столь дальний путь и подвергаться такому риску.

Соглашаясь, она кивнула.

– И все, чтобы обменяться банальностями с гуманоидной рыбой и поспорить с жирным лицеделом-тлейлаксу.

Покачав головой, она шагнула прочь от угла емкости, в которой шевелился Эдрик, – подальше от слишком уж густого облака испарений меланжи. Воспользовавшись удобным мгновением, Эдрик отправил в рот очередную таблетку. «Ест Пряность, дышит ею... и еще пьет ее», – подумал Скитале. Он понимал, что это неизбежно – Пряность обостряет восприятие навигатора, позволяет ему водить лайнеры Гильдии на сверхсветовых скоростях. Обостренным Пряностью внутренним оком навигатор должен отыскать такое будущее, в котором кораблю не грозит беда. Но теперь Эдрик чувствовал иную опасность, против которой бессильно даже предвидение – привычный костыль навигатора.

– Похоже, я напрасно прилетела сюда, – произнесла Ирулан.

Преподобная Мать повернулась и открыла глаза, сделавшись вдруг странно похожей на ящерицу.

Скитале перевел взгляд от Ирулан в сторону навигатора, приглашая принцессу разделить его точку зрения. Эдрик должен казаться ей отвратительным, Скитале видел это: и дерзкий взгляд навигатора, и его руки и ноги чудовища... посреди клубов оранжевого газа. Не говоря уже о его сексуальных наклонностях – нелегко, должно быть, сочетаться с таким существом, партнершу оттолкнет уже генератор поля, создавший для Эдрика невесомость.

– Принцесса, – произнес Скитале, – Эдрик с нами, а потому пророческое око вашего мужа станет менее зорким. Мы надеемся, что даже этот разговор избегнет его внимания.

– Надеемся, – подчеркнула Ирулан.

Преподобная Мать кивнула и сказала, вновь прикрыв глаза:

– Даже сами посвященные плохо понимают природу собственного предвидения.

– Я Полный Гильд-навигатор и обладаю всей положенной силой.

Преподобная открыла глаза. На этот раз она с характерным для сестры Бене Гессерит напряженным вниманием прощупывала лицедела взглядом. Она взвешивала в нем все до последней малости.

– Нет, Преподобная Мать, – вкрадчиво сказал Скитале, – я не столь прост, как мое обличье.

– Мы не понимаем природы второго зрения, – произнесла Ирулан. – Здесь есть один момент. Эдрик утверждает, что мой муж не может видеть, знать и предвидеть всего, в чем участвует навигатор. Но как далеко распространяется влияние гильдийца?

– Во Вселенной есть вещи и существа, которые проявляются для меня лишь в последствиях своего бытия, – проговорил Эдрик, и его узкий рыбий рот сжался в тонкую линию. – Я знаю, где они были... тут... там... где-нибудь еще. Как водные жители тревожат спокойные воды, так и пророк мутит время. Я знаю, где бывал ваш муж, но никогда не видал ни его самого, ни людей, по-настоящему преданных ему, разделяющих его цели. Таким покровом адепт закрывает своих

друзей от других провидцев.

– Но Ирулан-то не принадлежит к числу ваших сторонников, – отвечал Скитале, глянув искоса на принцессу.

– Но всем понятно, что заговор может состояться только в моем присутствии, – настаивал Эдрик.

В интонации, используемой мирабхаса для описания механизмов, Ирулан произнесла:

– Это вполне очевидно; всему находится применение.

Неплохо! Она поняла, что от навигатора много не получишь, подумал Скитале.

– Будущее можно изменить, – сказал он, – не забывайте этого, принцесса.

Ирулан бросила взгляд на лицедепа.

– Люди, преданные Паулю и разделяющие его цели, – проговорила она, – фримены из его легионов, вот кто эти люди! Я видела, как он пророчествовал перед ними, слышала их восторженные вопли: «Махди! Муад'Диб!»

Она поняла, подумал Скитале, что предстала перед судом, и наш приговор может погубить ее или сохранить ей жизнь. Наконец-то она увидела ловушку, расставленную нами.

Взгляд Скитале на мгновение встретился с глазами Преподобной Матери, и он почувствовал странную уверенность, что и она разделяет его мнение об Ирулан. Гессеритки, конечно же, накачали свою принцессу нужными знаниями, придумали ей и ложь во спасение. Но какими бы подробными ни бывали инструкции Ордена, всегда наступал такой миг, когда сестрам Бене Гессерит оставалось полагаться лишь на собственную подготовку и инстинкты.

– А я, принцесса, прекрасно знаю, чего вы добиваетесь от Императора, – заметил Эдрик.

– Кто же не знает этого? – возразила Ирулан.

– Вам хотелось бы основать новую династию, – продолжал Эдрик, словно бы не слыша ее. – Но этого не будет, если вы не примкнете к нам. Даю вам слово пророка. Император вступил в брак с вами из политических соображений, но вы никогда не делили с ним ложе.

– Так пророк еще и любитель подглядывать за постельными сценами? – отпарировала Ирулан.

– Кто не знает, что Император неразлучен со своей наложницей-фрименкой, чего не скажешь о его отношениях с супругой-принцессой, – отрезал Эдрик.

– Но она никак не может родить ему наследника, – возразила Ирулан.

– Рассудок всегда покоряется эмоциям, – пробормотал Скитале. Чувствуя приближение гнева Ирулан, он постарался, чтобы его предостережение возымело эффект.

– И она не принесет ему наследника, – с выверенным спокойствием в голосе произнесла Ирулан, – потому что в пищу ей тайно подмешивают противозачаточное средство. В чем я еще должна признаться перед вами?

– Безусловно, Императору лучше не знать об этом, – улыбнувшись, промолвил Эдрик.

– Ну, для него у меня давно заготовлена вполне правдоподобная ложь, – произнесла Ирулан. – Хотя он и чувствует истину, но бывает такая ложь, которой даже ясновидец поверит легче, чем правде.

– Принцесса, вам приходится выбирать, – произнес Скитале, – и если вы поймете наши мотивы, вам станет спокойнее.

– Пауль справедлив ко мне, – отвечала она, – я заседаю в его совете.

– И все-таки за те двенадцать лет, что вы пробыли его консорт-принцессой, – ни крохи тепла... – снова кольнул Эдрик.

Ирулан затрясла головой.

– Он низверг с трона вашего отца руками своей пресловутой фрименской орды, заставил вас выйти за себя замуж – только чтобы закрепить за собой трон, – но так и не увенчал вас короной императрицы.

– Принцесса, Эдрик пытается поймать вас на эмоциях, – произнес Скитале, – не правда ли, интересно?

На круглой физиономии лицедела она заметила дерзкую улыбку и в ответ удивленно подняла брови. Теперь – Скитале был убежден в этом – принцесса вполне уверилась в том, что, если она поддастся на уговоры Эдрика, тот своей пророческой силой укроет ее от ясновидения Пауля. Однако стоит ей повременить с согласием...

– А вам не кажется, принцесса, что Эдрик стремится сыграть в заговоре уж слишком большую роль?

– Но я ведь говорил уже, что соглашусь с любой разумной точкой зрения, если таковые будут здесь высказаны.

– И кто же будет оценивать? – скептически осведомился Скитале.

– Не хотите же вы, чтобы принцесса улетела обратно, так и не присоединившись к нам, – буркнул Эдрик.

– Он хочет, чтобы ее присоединение к нам было искренним, – проворчала Преподобная Мать. – И в наших взаимоотношениях нам следовало бы воздержаться от интриг.

Ирулан, заметил Скитале, приняла внешне расслабленную, удобную для размышления позу, убрала руки в рукава платья. Наверняка обдумывает предложенную Эриком приманку: стать основательницей династии. К тому же следует поразмыслить над тем, как заговорщики собираются обезопасить себя от нее. Ирулан предстоит взвесить многое.

- Скитале, – наконец проговорила Ирулан, – говорят, что у вас, тлейлаксу, странный кодекс чести: вы всегда оставляете своим жертвам возможность спастись.

- Да, если только они сумеют ее обнаружить, – согласился Скитале.

- А я тоже жертва? – спросила Ирулан.

Скитале коротко хохотнул.

Преподобная Мать фыркнула.

- Принцесса, – негромко, доверительным тоном, сказал Скитале, – но вы и так уже с нами. Разве это не вы доносите старшим сестрам Ордена обо всем происходящем в Императорском дворце?

- Паулю известно, что я переписываюсь со своими учителями, – отвечала она.

- Но разве не вы поставляете им материалы для пропаганды против вашего Императора? – произнес Эдрик.

Не «нашего», подумал Скитале, – «вашего» Императора. Ирулан слишком опытная гессеритка, чтобы не заметить подобной оговорки.

- Все дело в существующих силах и в их приложении, – проговорил Скитале, пододвигаясь поближе к емкости, где плавал гильдиец. – Мы, тлейлаксу, уверены, что во всей Вселенной есть только ненасытная алчущая материя, а энергия – единственное, на что можно положиться. И она обучается. Вы слышали мои слова, принцесса: энергия обучается. Это мы и называем силой.

- Но вы не убедили меня в том, что мы сумеем победить Императора.

- Мы даже и себя самих не убедили в этом, – отвечал Скитале.

- Куда ни посмотришь, – отвечала Ирулан, – всюду сила его противостоит нам. Он – Квисатц Хадерах, тот, кто присутствует одновременно во многих местах. Он – Махди, и его желания превращаются в закон для послушных миссионеров

Квизарата. Он – ментат, чьи возможности превосходят величайшие достижения древних компьютеров. Он – Муад’Диб, по одному слову которого легионы фрименов вырезают население целых планет. Он – пророк, перед которым открыто грядущее. Он – обладатель того уникального набора генов, в котором так нуждается Бене Гессерит...

– Все эти его атрибуты мы знаем, – перебила ее Преподобная Мать, – знаем еще, что таким же набором генов обладает и его отвратительная сестрица Алиа. Но оба они все-таки люди. А это значит, что у них есть слабости.

– Каковы же человеческие слабости Императора и пророка? – спросил лицедел. – Не таятся ли они в религиозной сути джихада? Можно ли обратить против Императора его Квизарат? И прочна ли гражданская власть Великих Домов? Способен ли конгресс Ландсраада на большее чем пустой шум?

– вспомните о Картеле негоциантов и перевозчиков товаров, – произнес Эдрик, поворачиваясь в баке. – КООАМ – это бизнес, а бизнес там, где выгода.

– Не следует забывать и о матери Императора, – напомнил Скитале. – Насколько мне известно, леди Джессика не отлучается с Каладана, но часто сносится со своим сыном.

– Предательница, – ровным голосом произнесла Мохийам, – если бы только можно было отказаться от этих рук, которыми я выпестовала ее...

– Наш заговор предъявляет к участникам строгие требования, – сказал Скитале.

– Ну, все мы больше чем заговорщики, – возразила Преподобная Мать.

– О да, – согласился Скитале. – Еще бы, мы полны энергии и учимся на ходу. Это делает нас единственной надеждой человечества, его спасителями, – проговорил он в тоне абсолютной убежденности, что в устах тлейлаксу являлось предельной насмешкой.

Только одна Преподобная Мать оценила языковую тонкость.

– Почему же? – спросила она, обращаясь к Скитале.

Прежде чем лицедел успел ответить, Эдрик прочистил горло и произнес:

– Зачем заниматься сейчас философской чепухой? Любой вопрос, если достаточно долго докапываться до сути, сводится к одному и тому же: «Почему это происходит?» Политика, религия и торговля сходятся в конце концов к одному: в чьих руках сила. Альянсы, картели, союзы лишь гоняются за миражами, пока речь не идет о власти. Все прочее – ерунда, как должно быть ясно любому мыслящему существу.

Скитале пожал плечами: жест предназначался одной Преподобной Матери. На вопрос ответил Эдрик. Похоже, напыщенный дурак гильдиец – слабое звено в заговоре. Чтобы убедиться, что Преподобная Мать понимает это, Скитале проговорил:

– Внимательно слушая учителя, приобретаешь познания.

Преподобная Мать медленно кивнула.

– Принцесса, – с нажимом сказал Эдрик. – Выбирайте. Судьба назначила вас своим орудием, тончайшим и...

– Приберегите свою лесть для тех, на кого она сможет подействовать, – ответила Ирулан. – Вы упоминали психическую отраву, призрак которой сокрушит Императора. Объясните.

– Атрейдес победит сам себя! – прокаркал Эдрик.

– Хватит загадок, – отрезала Ирулан. – Что еще за призрак?

– Для призрака у него весьма необычный облик, – ответил Эдрик, – он обладает именем и плотью. Тело его некогда принадлежало знаменитому воину и откликалось на имя Дункан Айдахо. Теперь же его...

– Айдахо мертв, – отвечала Ирулан. – Пауль часто горевал по нему в моем присутствии. Он сам видел, как сардаукары моего отца сразили Айдахо...

– Даже терпя неудачи, – возразил Эдрик, – сардаукары вашего отца не теряли головы. Представим себе, что один из их командиров узнал погибшего и потому поступил мудро. Что он мог сделать? Есть способы использования тел, обладающих такими воинскими умениями, если только действовать быстро.

– Значит, это гхола тлейлаксу, – прошептала Ирулан, искоса поглядев на Скитале.

Почувствовав на себе ее взгляд, Скитале обратился к своему искусству лицедела – очертания лица и фигуры его вдруг расплылись, плоть потекла, принимая новый облик. Перед принцессой вдруг оказался худощавый мужчина, круглолицый, со слегка приплюснутыми чертами лица. Высокие скулы словно подпирали слегка раскосые глаза, черные волосы были взъерошены.

– Таков облик этого гхолы, – пояснил всем Эдрик, показывая на Скитале.

– То есть он – просто еще один лицедел? – спросила Ирулан.

– Подобное лицеделам не по силам – они не могут длительно сохранять принятый облик. Нет, предположим лучше, что наш сообразительный командир сардаукаров подготовил труп Айдахо для аксолотль-баков. Разве это нецелесообразно? Ведь эти плоть и нервы принадлежали одному из лучших фехтовальщиков в истории человечества, советнику Атрейдесов и военному гению. Не правда ли – потеря, ведь все это можно сохранить и использовать, если воссоздать Айдахо в качестве инструктора сардаукаров.

– Но я ничего не слышала об этом, а ведь я была среди тех, кому отец доверял.

– Ах-хх... тогда принцесса была молода, и отец ее, потерпев поражение, буквально через несколько часов продал свою дочь победителю – вами пришлось расплатиться с новым Императором, – произнес Эдрик.

– Это – с телом – и впрямь было сделано? – резко спросила она.

С мерзким самодовольством Эдрик продолжал:

– Предположим далее, что наш мудрый командир сардаукаров, понимая необходимость спешить, немедленно отослал Бене Тлейлаксу сохраненное тело Айдахо. Далее предположим, что и командир, и его люди погибли прежде, чем успели доложить обо всем вашему отцу, который все равно не смог бы этим воспользоваться. И факт остался незамеченным, ведь труп Айдахо – только плоть, оказавшаяся в руках тлейлаксу. Переправить же его можно было только на лайнере. А мы, гильдийцы, всегда знаем, что перевозят на наших кораблях. И раз мы узнали об этом, разве не следовало и нам проявлять мудрость – приобрести этого гхолу для подарка Императору?

– Вы, конечно, так и поступили, – утвердительно сказала Ирулан.

Скитале вновь принял вид простодушного толстяка и добавил:

– Да, мы поступили так, как сообщил сейчас наш старинный друг.

– Какой психологической обработке был подвергнут Айдахо? – спросила Ирулан.

– Айдахо? – переспросил Эдрик, поглядев на тлейлаксу. – Скитале, разве мы покупали у вас Айдахо?

– Мы продали вам существо по имени Хейт, – ответил Скитале.

– Действительно, Хейт, – подтвердил Эдрик. – А почему вы его продали нам?

– Потому что однажды нам случилось вырастить своего собственного Квисатц Хадераха, – проговорил Скитале.

Быстро повернув голову, Преподобная Мать укоризненно поглядела на него.

– Вы не говорили нам об этом.

– А вы и не спрашивали, – отвечал Скитале.

– И как вы одолели этого вашего Квисатц Хадераха? – спросила Ирулан.

– Существо, затратившее всю жизнь, чтобы воплотить собственное представление о себе, скорее предпочтет умереть, чем превратиться в собственную противоположность.

– Я не понимаю... – начал Эдрик.

– Он покончил с собой, – буркнула Преподобная.

– Внимательнее слушайте меня, Преподобная, – предупредил Скитале, воспользовавшись интонацией, гласящей: ты не объект для секса, никогда не была объектом для секса, не можешь быть объектом для секса.

Тлейлаксу ожидал реакции на вызывающий тон. Она не должна заблуждаться относительно его намерений. Гнев не должен помешать ей понять, что, зная отношение Сестер к продолжению рода человеческого и его генетике, тлейлаксу, конечно же, не мог сделать подобного выпада. Однако дерзость его отдавала площадной бранью, что вовсе не свойственно тлейлаксу.

Поспешно используя успокоительные возможности мирабхаса, Эдрик попытался сгладить ситуацию:

– Скитале, вы ведь говорили нам, что продали Хейта только потому, что разделяли наши намерения.

– Эдрик, помолчите, пока я не разрешу вам говорить, – сказал Скитале. А когда гильдиец начал было протестовать, Преподобная Мать отрезала:

– Заткнитесь, Эдрик!

Эдрик отодвинулся в глубь емкости, нервно дергая конечностями.

– Никакие наши преходящие эмоции не имеют даже малейшего отношения к решению насущной проблемы, – произнес Скитале, – они только мешают мыслить. Что можем испытывать мы, кроме страха, который, собственно, и заставил нас собраться?

– Мы понимаем это, – отвечала Ирулан, оглядываясь на Преподобную Мать.

– И все мы должны понимать опасность, связанную с ограниченностью нашей защиты, – проговорил Скитале. – Оракул не может предотвратить того, что выше его понимания.

– А вы предусмотрительны, Скитале, – произнесла Ирулан.

Нельзя, чтобы она догадалась, насколько предусмотрителен... подумал Скитале. Потом, когда все закончится, в нашем распоряжении окажется Квисатц Хадерах, которого можно будет контролировать. Все прочие ничего не получают.

– Откуда же у вас взялся Квисатц Хадерах? – спросила Преподобная Мать.

– Мы экспериментировали с разнообразными чистыми субстанциями, – отвечал Скитале. – С абсолютным добром и злом. Полный негодяй, получающий наслаждение только от причиняемой им людям боли и ужаса, может послужить любопытным объектом для познания.

– А ваши тлейлаксу случайно не поработали над старым бароном Харконненом, дедом Императора? – спросила Ирулан.

– Мы тут ни при чем, – отрезал Скитале. – Просто творения самой природы зачастую не менее смертоносны, чем наши. Собственные произведения мы помещаем в условия, в которых их удобно изучать.

– Я не позволю третировать себя! – запротестовал Эдрик. – Разве не я защищаю это сборище от...

– Видите? – перебил его Скитале. – И это его верные суждения нас укрывают? Хотелось бы знать, какие...

– Я хочу немедленно обсудить способ передачи Хейта Императору, – настаивал Эдрик. – На мой взгляд, Хейт является воплощением старого морального кодекса, который Атрейдес усвоил еще в юности на своей родной планете. Можно предположить, что Хейт позволит Императору расширить свой взгляд на мораль, очертить и положительные, и отрицательные моменты в религии и жизни.

Скитале улыбнулся, окинув компаньонов благодушным взглядом. Все шло в соответствии с его ожиданиями. Старуха Преподобная орудовала эмоциями, как ятаганом. Ирулан идеально подходила для своей несостоявшейся роли – неудачливая креатура Бене Гессерит. Эдрик – всего лишь шапка-невидимка, не более: он только скрывает собравшихся от Императора. Теперь навигатор лишь угрюмо молчал в ответ на общее невнимание.

– Так, значит, этот Хейт должен отравить психику Пауля? – спросила Ирулан.

– Примерно так, – ответил Скитале.

– А Квизарат?

– Легкий перенос удара, наплыв эмоций – и зависть превращается во вражду.

– А КООАМ?

– Будут кругленькие дивиденды.

– А для прочих группировок?

– Одна из них получит название правительства, – ответил Скитале. – Слабейшие будут аннексированы во имя морали и прогресса. Оппозиция умрет в собственных сетях.

– И Алия?

– Гхола Хейт нацелен не только на Императора, – произнес Скитале, – сестра его теперь как раз в том самом возрасте, когда ее может увлечь обаятельный мужчина, специально для этого подготовленный. Мужество воина и разум ментата будут неотразимы для Алии.

Мохийам позволила себе приоткрыть древние глаза в знак изумления.

– Гхола-ментат? Это опасно!

– Чтобы получить точные результаты, ментат должен использовать безукоризненные исходные данные. А что, если Пауль попросит у гхолы объяснений... что скажет Хейт о цели нашего дара? – произнесла Ирулан.

– Хейт будет говорить правду, – сказал Скитале, – это все равно ничего не изменит.

– То есть вы оставляете Паулю лазейку для спасения? – спросила Ирулан.

– Ментат! – пробормотала Мохийам.

Скитале глядел на Преподобную Мать, ощущая таящуюся под всеми эмоциями древнюю ненависть. Со времен Джихада Слуг, который стер думающие машины с лица Вселенной, компьютеры пользовались недоверием. Издревле подобное отношение переносилось и на компьютеры в человеческом облике.

– Мне не нравится, как ты улыбаешься, – резко произнесла с интонацией предельной откровенности Мохийам, яростно глядя на Скитале.

Скитале ответил в той же манере:

– Мне дела нет до того, что приятно вам. Но мы вынуждены сотрудничать. Это очевидно. – Он поглядел на гильдийца. – Разве не так, Эдрик?

– Ты преподаешь болезненные уроки, – отвечал Эдрик. – Должно быть, ты хотел дать всем понять, что я не стану восставать против общего мнения моих собратьев по заговору.

– Ну, видите, оказывается, его можно научить, – произнес Скитале.

– Но я понимаю и еще кое-что, – проворчал Эдрик. – Атрейдес монопольно владеет Пряностью. Без нее я не могу заглянуть в будущее. И Бене Гессерит не сумеют отличить правду от лжи. У всех есть запасы, но они тают... Меланжа – драгоценнейшая из монет.

– Ну, у нашей цивилизации она не единственная, – отвечал Скитале. – Или закон спроса и предложения перестал работать?

– Ты собираешься украсть эту тайну, – прохрипела Мохийам. – А ведь в его распоряжении планета, охраняемая обезумевшими фрименами!

– Фримены дисциплинированы, вымуштрованы и невежественны, – отвечал Скитале. – Они вовсе не обезумели. Просто их с детства учили верить не задумываясь. Теми, кто верит, можно манипулировать. Только знание опасно.

– Ну а мне-то что останется? Смогу я дать начало новой династии? – спросила Ирулан.

В ее голосе все услышали согласие, но только Эдрик позволил себе улыбнуться.

– Что-нибудь да останется, – ответил Скитале. – Что-нибудь.

– Правлению Атрейдесов придет конец, – бросил Эдрик.

– Не могу не отметить, что ваше предсказание сделано лицом, куда менее одаренным пророческими способностями, чем Император, – произнес Скитале. – У них с сестрой, как говорят фримены, «мектуб ал-миллах».

– «Слова начертаны солью», – перевела Ирулан.

И при звуках ее голоса Скитале понял, какую западню Бене Гессерит уготовили ему – прекрасную и умную женщину, которой он никогда не сможет обладать. Ну, что же, подумал он. Быть может, я когда-нибудь сниму с нее копию...

* * *

Каждой цивилизации приходится противодействовать лишенной рассудка силе, способной противиться любому сознательному намерению общества, восстать против него и обмануть.

(Теорема тлейлаксу; не доказанная)

Сев на кровати, Пауль принялся расстегивать Пустынные сапоги. Они припахивали затхлой смазкой, облегчавшей действие пяточных насосов. Было уже поздно. Этой ночью он затянул прогулку и обеспокоил любящих его. По общему мнению, ночные гуляния были опасны, но с подобными опасностями справиться было легко. Пауля ночные скитания инкогнито по улицам Арракина развлекали.

Он забросил сапоги в угол под единственный в комнате плавающий светильник и принялся за уплотнения дистикомба. Боги внизу, как он устал! Усталость сковывала мышцы, но только не ум. Повседневная суэта за стенами цитадели наполняла его глубочайшей завистью. Что в этом безликом копошении жизни может заинтересовать Императора, но... сама возможность пройтись по улицам города, не привлекая ничьего внимания, казалась теперь ему подлинной привилегией. Проходить мимо галдящих паломников, слышать, как фримен костерит продавца: «У тебя потные руки!..»

Улыбнувшись воспоминанию, Пауль выскользнул из дистикомба. Оставшись нагим, он ощущал странное родство со своим миром. Дюна теперь стала олицетворенным парадоксом: миром осажденным и одновременно средоточием власти. Впрочем, вечная осада, рассудил Пауль, – неизбежная участь любой власти. Он глядел на зеленый ковер, грубая шерсть колола ступни.

Улицы по щиколотку засыпал песком ветер, задувавший поверх Барьерной Стены. Ноги идущих толкли песок в мелкую пыль, забивавшую фильтры дистикомба. Запах ее чувствовался даже теперь, после вентиляторов, сдувавших пыль с входящих в порталы его цитадели. Кремнистый запах навевал воспоминания о Пустыне.

Другие времена... другие опасности.

Если сравнить с прежними днями, нынешние ночные прогулки его были вполне безопасными, но вместе с дистикомбом он словно облачался в самую Пустыню. Костюм этот со всеми хитроумными устройствами для сохранения влаги до тонкостей контролировал его мысли, возвращал движениям Пустынный ритм, точнее, отсутствие ритма. Пауль ощущал себя вольным фрименом. В этом костюме он становился чужаком в собственном городе. Надев его, Пауль отказывался от безопасности дворца и брал на вооружение прежние привычки и мастерство бойца. Паломники и горожане, проходя мимо, опускали глаза: «диких» не задевали из чистого благоразумия. Если у Пустыни было лицо, то для

горожан это было лицо фримена, скрытое за лицевым и носовым фильтрами.

На самом же деле опасаться приходилось лишь встречи с теми, кто еще по старым временам, с дней, когда он сам жил в снетче, может узнать его по походке, по запаху тела или по глазам. Так что вероятность встретить врага была невелика.

Шелест дверных занавесей и внезапный луч света прервали его размышления. Вошла Чани, в руках ее был кофейный сервиз на платиновом блюде. За ней услужливо следовали два плавающих шара-светильника, они сразу же метнулись на положенные места: один в изголовье их постели, другой повис над головой Чани, чтобы освещать ей работу.

В движениях Чани ощущалась неподвластная возрасту сила, хрупкая, замкнутая в себе и ранимая. Хлопоты ее над кофейным сервизом напомнили Паулю первые дни их совместной жизни. Смуглый эльф, которого пощадили годы... если, конечно, не обращать внимания на уголки лишенных белков глаз: такие морщинки фримены Пустыни именовали «следами песчинок».

Едва она приподняла крышку кофейника за ручку, выточенную из хагарского изумруда, как оттуда вырвалось облако пара. Кофе еще не был готов, он понял это по движению, которым она опустила крышку. Серебряный кофейник – округлая фигурка беременной женщины – достался Паулю как гханима, трофеем. Когда он сразил его обладателя в поединке. Джамис – так его звали... Да, Джамис. Странное бессмертие заслужил этот фримен своей смертью. Или же он понимал, что смерть неизбежна, и стремился именно к такому концу?..

Чани расставила чашки синего фарфора, прислужгой рассевшиися вокруг величественного кофейника. Их было три: для них обоих, а третья – всем прежним владельцам.

– Вот-вот заварится, – произнесла она.

Чани подняла на него глаза, и Пауль вдруг подумал: каким-то он видится ей? Не останется ли он по-прежнему экзотическим чужаком?

...Пусть тело его жилисто, как и положено жителям Пустыни, но все-таки воды в нем больше, чем подобает фримену. Был ли он еще для нее тем Усулом – так его

назвало племя, – который взял ее по законам фрименского тау, пока они еще скрывались в Пустыне?

Пауль посмотрел на свое тело: твердые мышцы, ни жиринки... прибавилось несколько шрамов – в общем, таким он и был двенадцать лет назад, когда стал Императором. Глянув в стоящее на полке зеркало, он увидел себя – «глаза Ибада», синие-на-синем глаза фримена, знак привыкания к Пряности, и крючковатый фамильный нос Атрейдесов. Истинный внучек родного деда, погибшего на арене для развлечения подданных.

Паулю припомнилась одна из фраз старика: «Правитель, как и пастух, полностью отвечает за покорившихся ему. Когда-нибудь от него потребуются жест, выражающий самозабвенную любовь к своему стаду. Даже если он только насмешит весь народ».

Люди до сих пор с теплым чувством вспоминали о нем.

А чем я прославил имя Атрейдесов? – спросил себя Пауль. Напустил на овец волка?

На миг ему представился весь разгул кровавого насилия, творящегося его именем.

– И живо в постель! – властно скомандовала Чани абсолютно невыносимым, с точки зрения его верноподданных, тоном, доведись им услышать эти слова.

Он покорно растянулся на спине, подложив руки под голову, замороженный привычными движениями Чани.

Его вдруг поразила сама их комната. Подданные никогда не признали бы в ней Императорскую опочивальню. Желтый свет колеблющихся в силовом поле светильников шевелил тени разноцветных стеклянных кувшинов, расставленных Чани на полке. Пауль молча припоминал их содержимое: сухие ингредиенты Пустынных лекарств, мази, благовония, памятные, священные для них мелочи: щепотка песка из сietetа Табр, локон их первенца, погибшего так давно... уже двенадцать лет назад. Невинная жертва, подвернувшаяся под руку убийцам в битве, сделавшей его Императором.

Густой аромат кофе с Пряностью поплыл по комнате. Пауль глубоко вдохнул, взгляд его упал на желтую чашу, стоявшую возле подноса, на котором Чани заваривала кофе. В ней были земляные орешки. Неизбежный ядоискатель водил над столом своими суставчатыми лапками. Вид аппарата пробудил в нем раздражение. Тогда, в Пустыне, фримены прекрасно обходились без него!

– Кофе готов! – воскликнула Чани. – Ты голоден?

Сердитое отрицание утонуло в визге лихтера, уносящего Пряность в космос с недалекого Арракинского космодрома.

Чани видела, что он сердится, но все же разлила кофе и поставила чашку возле его руки. Она уселась в ногах постели, откинула покрывало и принялась растирать его ступни, утомленные ходьбой в дистикомбе. Негромко, с обманчивой непринужденностью, она начала:

– А теперь поговорим о ребенке, которого добивается Ирулан.

Глаза Пауля широко открылись. Он внимательно поглядел на Чани.

– Ирулан вернулась с Валлаха только два дня назад, – сказал он. – И уже успела у тебя побывать?

– Мы разговаривали не об ее обидах, – ответила Чани.

В мгновенной вспышке, способом Бене Гессерит, которому мать научила его, пренебрегая запретами Ордена, Пауль заставил свой разум обследовать Чани. Он не любил применять эти методы. Причина его привязанности к Чани частично крылась и в этом: ему редко приходилось в отношениях с ней прибегать к этому утомительному искусству. В соответствии с правилами хорошего тона, принятыми среди фрименов, Чани всегда избегала нескромных вопросов. Ее интересовали практические предметы. Например, факты, касающиеся положения ее мужчины: надежна ли опора в совете, лояльны ли его легионы, на что способны союзники и чего от них ожидать. В памяти ее укладывались длинейшие перечни имен и сложно переплетенных подробностей. Она могла мгновенно назвать главную слабость любого известного ей врага, возможные действия всех известных противников, боевые планы их предводителей, оснащение и производительность основных отраслей промышленности.

Так почему же, подумал Пауль, она завела разговор про Ирулан?

- Я расстроила тебя, - сказала Чани, - я не хотела.

- А чего ты хотела?

Она застенчиво улыбнулась и проговорила:

- Когда сердишься, милый, не скрывай этого.

Пауль вновь привалился к деревянному изголовью.

- Так ты считаешь, что мне следует удалить ее от себя? - спросил он. - Теперь от нее немного пользы. И мне вовсе не нравится все, что кроется за этими поездками к Сестрам.

- Ее нельзя удалять, - ответила Чани, продолжая растирать его ноги, и деловито добавила: - Ты столько раз говорил, что она позволяет тебе поддерживать контакт с врагами, что их планы ты читаешь по ее поступкам.

- Откуда твоя заинтересованность в ее желании забеременеть?

- Если подобное произойдет, планы врагов расстроятся, и сама Ирулан окажется в неловком положении.

По прикосновению ее рук он почувствовал, чего стоят ей эти советы. В горле набух комок. Он тихо сказал:

- Чани, родная, я поклялся тебе, что не взойду на ее ложе. Ребенок даст ей слишком много власти. Или ты добиваешься, чтобы она сместила тебя?

- Откуда? У меня нет места!

- Да нет же, Сихайя, весна моя Пустынная. Откуда эта внезапная забота об Ирулан?

– Забота моя о тебе, не о ней! Если она понесет потомка Атрейдесов, сообщники усомнятся в ее искренности. Чем менее наши враги будут доверять ей, тем меньше пользы им от нее будет.

– Рождение ее ребенка может означать твою смерть, – возразил Пауль. – Сама знаешь все эти интриги. – Он обвел рукой утонувшую в недрах цитадели комнату.

– У тебя должен быть наследник, – глухо произнесла она.

– Ах-х!.. – протянул он.

Так вот оно что: раз у Чани нет детей, следует привлечь другую женщину. Почему бы тогда не Ирулан? Вот и весь ход размышлений Чани. Но все должно совершиться в результате акта любви, на всякие искусственные методы в империи наложено было строжайшее табу. Решение Чани – решение истинной фрименки.

Пауль по-новому увидел ее лицо. Он и так знал черты Чани лучше, чем свои собственные. Он видел ее и горячей страстью, и в покое сна, знал в гневе, в страхе, в горе.

Он закрыл глаза, и Чани вновь представилась ему девушкой – весна пробуждающаяся, ручейком журчащая возле него. Вдруг припомнившееся обаяние ее юности заворожило его. Ему предвиделась эта улыбка – сперва застенчивая, а потом тревожная, – словно она старалась вырваться из его видения.

Рот Пауля вдруг пересох. На миг ноздрей его коснулся дым пожарища, что ждет впереди. Внутренний голос из какого-то другого видения все твердил ему: освободись... освободись... освободись... Слишком долго подсматривал ты тайны вечности, внимал голосам камней и чужой плоти. С того самого дня, когда Пауль впервые ощутил собственное ужасное предназначение, он вглядывался в будущее, искал в нем мирный уголок для себя.

Такой путь существовал, конечно... Он был уверен в этом, хоть и не понимал его сути – загадочное будущее, недвусмысленно требовавшее от него одного: освободись, освободись, освободись!

Открыв глаза, Пауль увидел перед собой решительное лицо Чани. Она перестала растирать ему ноги и застыла неподвижно – истинная фрименка. Родное лицо под синей косынкой нежони, она часто носила ее в их личных покоях. Теперь оно воплощало решительность, древние мысли... чуждые мысли. Тысячелетиями фрименские женщины привыкали делить своего мужчину с другими – пусть не всегда мирно, но по крайней мере без губительных последствий. Сейчас этот таинственный фрименский процесс происходил в Чани.

– Истинного и желанного мне наследника родишь ты, – ответил он.

– Ты это видел? – спросила она, явно подразумевая его провидческие способности.

И уже далеко не в первый раз Пауль задумался: как же наконец объяснить ей все тонкости пророчества – бесчисленность линий судеб, что сплетались в сплошную ткань перед его умственным взором. Он вздохнул, вспомнив вдруг, как когда-то пригоршнями черпал воду из речки, как утекала она между пальцев. Пауль еще помнил ощущение воды на своем лице. Но разве можно умыться в водах времени, взбаламученных сонмом пророков?

– Значит, ты не видел этого, – уверенно заключила Чани.

Будущее он теперь мог увидеть лишь напрягая душу и тело до истощения, безвозвратно растрачивая жизненные силы, и ничего, кроме горя, оно теперь не сулило. Пауль знал, что снова попал сейчас между двух гребней – во впадину между волнами, терзавшую разум и томившую чувства.

Укрыв его ноги, Чани произнесла:

– Наследника Дома Атрейдес нельзя доверять случаю... нельзя полагаться на единственную женщину.

«Так могла бы сказать моя мать, – подумал Пауль. – Или леди Джессика тайно поддерживает связь с Чани? Она всегда в первую очередь думает о Доме Атрейдес. Так воспитали ее сестры Бене Гессерит, и мать не может отказаться от этого даже теперь, когда все ее силы обращены против Ордена».

– Так, значит, ты подслушивала наш разговор с Ирулан, – обвиняющим тоном проговорил он.

– Да, я подслушивала, – согласилась она, глядя в сторону.

Пауль припомнил встречу с Ирулан. Он только вошел в семейную гостиную и успел заметить неоконченную работу на ткацком станке Чани. В помещении кисло воняло червем, зловещий запах скрывал вездесущий коричневый аромат меланжи. Кто-то пролил здесь непреобразованную меланжевую эссенцию на коврик, пропитанный меланжей. Вещества эти несовместимы, и эссенция разъела ковер. Только маслянистые пятна отмечали на пластмелде место, где он недавно лежал. Пауль уже собирался послать за кем-нибудь из женщин, чтобы прибрались, но в этот момент Хара, жена Стилгара и ближайшая подруга Чани, скользнула внутрь и сообщила... о приходе Ирулан.

Разговор пришлось вести в этом зловонии, и он все не мог отделаться от нехорошего чувства. Фрименская примета сулила беду: дурной запах – жди несчастья.

Впустив Ирулан, Хара вышла.

– Здравствуй, – произнес Пауль.

На Ирулан было платье, отороченное серым китовым мехом. Она расправила его, провела ладонью по волосам. Пауль видел, что Ирулан удивлена его мягким тоном. Заранее приготовленные гневные слова следовало заменять на ходу.

– Ты пришла сообщить мне, что Сестры потеряли последние представления о нравственности? – произнес он.

– Подобные словесные забавы небезопасны, – бросила она.

– Опасность и забавы трудно совместимы, – усмехнулся он. Сокровенные его знания, полученные от Бене Гессерит, говорили: она охотно бы не приходила к нему. Пауль заметил на миг отразившийся на ее лице страх и понял: Ирулан пришлось взяться за дело вопреки ее собственному желанию.

– И они все время требуют слишком много от принцессы Императорского Дома.

Ирулан замерла в неподвижности, и Пауль отметил, что она подчинила свои чувства безжалостному контролю воли. Тяжелый груз, подумал он и удивился, обнаружив, что его предвидение ничего не говорило ему о возможности такого будущего.

Ирулан медленно расслабилась. Нельзя поддаваться страху, нельзя отступить, решила она.

– Ты все время заказываешь одну и ту же погоду, – сказала она, обхватив себя руками и поежившись. – Сухо, сегодня была песчаная буря. Неужели ты не разрешишь нам дождя?

– Ты пришла сюда не для речей о погоде, – ответил Пауль. Он почувствовал себя утопающим в двусмысленности сказанного. Не пытается ли Ирулан намекнуть о чем-то таком, о чем ее воспитание запрещает говорить открыто? Похоже, так и есть. Пауль ощутил себя лишенным опоры: нужно немедленно выбираться на твердую почву.

– Я хочу ребенка, – объявила она.

Он отрицательно качнул головой.

– У меня своя жизнь! – резко произнесла Ирулан. – Если понадобится, я сама отыщу отца для моего ребенка. Я наставлю тебе рога, и посмей хоть в чем-нибудь обвинить меня.

– Наставляй сколько хочешь, – отвечал он, – но никаких детей.

– И как же ты меня остановишь?

С исполненной предельной доброты улыбкой он произнес:

– Если дойдет до этого, я немедленно прикажу удавить тебя.

На миг Ирулан потрясенно умолкла, а Пауль ощутил, как Чани прислушивается за тяжелыми занавесями, отделявшими их личные апартаменты.

- Я все-таки твоя жена, - прошептала Ирулан.

- Давай не будем играть в эти глупые игры, - ответил он. - Ты ведь играешь сейчас, исполняешь роль, и не более. Мы оба знаем, кто моя жена.

- А я - так, просто удобство, - горько откликнулась Ирулан.

- Я не хочу быть с тобой жестоким.

- Ты сам выбрал меня.

- Не я, - отвечал он, - судьба. Твой отец. Сестры Бене Гессерит. Гильдия, наконец. А теперь они вновь тебя выбрали. Для чего они тебя выбрали, Ирулан?

- Но почему же я не могу родить тебе ребенка?

- Потому что ты на эту роль не подходишь.

- Это мое право - родить наследника престола! Мой отец был...

- Твой отец был и остается зверем. Ты сама знаешь, что он потерял всякий контакт с человечеством, которым должен был править.

- Разве его ненавидели больше, чем ненавидят тебя? - взорвалась она.

- Неплохой вопрос, - отвечал он, сардонически усмехаясь уголками губ.

- А еще говоришь, что не хочешь быть жестоким со мною.

- Вот потому-то я и согласен, чтобы ты имела любовника. Только пойми правильно: пусть будет любовник, но никаких побочных детей. Такого ребенка я не признаю. Я не стану запрещать тебе любовных связей - пока ты остаешься осмотрительной и бездетной. В сложившихся условиях просто глупо действовать

иначе. Только не вздумай злоупотреблять моим доверием. Речь идет о троне, и я определяю, кто унаследует его. Не сестры Бене Гессерит, не Гильдия, а я. Этого права я добился, сокрушив легионы сардаукаров твоего отца на равнине под Арракином.

- Ты сам выбрал свою судьбу, - ответила Ирулан, резко повернулась и вылетела из гостиной.

Заново припомнив всю стычку, Пауль сосредоточился на мыслях о Чани, сидевшей на их ложе. Понимал он и двойственность своего отношения к Ирулан, понимал и фрименскую правоту Чани. В иных обстоятельствах обе женщины вполне могли быть подругами.

- И что ты решил? - спросила Чани.

- Никакого ребенка, - ответил он.

Чани указательным и большим пальцами левой руки изобразила символ кривого священного ножа фрименов.

- Может дойти и до этого, - согласился он.

- Почему ты считаешь, что ребенок не поможет разрешить проблему Ирулан?

- Предположить такое мог бы только дурак.

- Дорогой мой, я вовсе не дура.

Пауль почувствовал, как в нем поднимается гнев.

- Этого я тебе никогда не говорил. Но сейчас речь не о сентиментальном романе, сочиненном писателями. Ирулан - самая настоящая принцесса, воспитанная среди всех гнусных интриг Императорского двора. Строить козни для нее столь же естественно, как строчить свои дурацкие истории!

- Любимый, они вовсе не дурацкие.

– Возможно, ты права, – Пауль подавил свой гнев и взял ее за руку. – Извини. Просто у этой женщины на уме одни заговоры... заговор в заговоре. Если я уступлю хотя бы одной из ее претензий, то этим только поощрю ее на другие.

– Разве не я это тебе всегда говорила? – ласковым голосом ответила Чани.

– Говорила, конечно. – Пауль пристально посмотрел на Чани. – Тогда что же ты хочешь сказать мне еще?

Она прилегла возле него и приникла головой к плечу.

– Они уже решили, как им бороться с тобой, – проговорила она. – От Ирулан просто разит тайными замыслами.

Пауль погладил ее по голове.

Чани умела отсеять несущественные детали.

Вновь прихлынуло ощущение ужасной судьбы, кориолисовой бурей оно терзало глубины души, сотрясая все его существо. Тело его ведало многое, что еще не открывалось сознанию.

– Чани, любимая, – прошептал он, – если бы ты знала, чего бы только я не дал за то, чтобы покончить с джихадом и помешать Квизарату сделать из меня бога.

– Но ты мог бы прекратить все это одним только словом, – затрепетав, сказала она.

– О нет. Даже если я умру, одно мое имя поведет их вперед. Стоит только подумать, что имя Атрейдесов связано со всей этой религиозной бойней...

– Но ты же – Император! Ты же...

– Я просто украшение – фигура на носу корабля. Если тебе навязали роль божества, отказаться от нее ты не властен. – Он с горечью усмехнулся. Из будущего на него глядели еще не родившиеся династии. Он ощущал, как гибнет в оковах судьбы его человеческая сущность и остается только одно имя. – Я был

избран, – прошептал он. – Может быть, еще при рождении... но уж меня-то во всяком случае не спросили... Я был избран.

– А ты отвергни это избрание, – ответила она.

Он крепче обнял ее за плечи.

– В свое время, любимая. Дай мне еще хоть чуточку времени.

Слезы щипали его глаза.

– Вернемся в сиетч Табр, – сказала Чани, – в этом каменном шатре столько лишних хлопот.

Он кивнул, прижавшись подбородком к гладкой косынке, прикрывавшей ее волосы. Как всегда, от нее пахло Пряностью.

Сиетч. Слово древнего языка чакобса поглотило его внимание: укрытие, надежное и спокойное место во времена бед. Слова Чани заставили его затосковать по просторам Пустыни, где любой враг виден издалека.

– Племена ждут возвращения Муад'Дибба, – сказала она и подняла голову, чтобы видеть его лицо. – Ты наш.

– Я принадлежу своей миссии, – прошептал он.

Он подумал о джихаде, о дрейфе генов через парсеки и парсеки, разделяющие звезды, о видении, сулившем окончание бойни. Сумеет ли он заплатить за это все, что должен? Тогда угаснет ненависть, подернется пеплом словно костер... уголек за угольком. Но... о! Цена будет страшной!

Я не хотел быть богом, никогда не хотел, думал он. Я просто хотел исчезнуть, как блистающая росинка с наступлением утра. Я хотел быть не с ангелами и не с проклятыми... просто быть – хотя бы и по чьему-то недосмотру.

– Так мы возвращаемся в сиетч? – настаивала Чани.

- Да, - прошептал он, подумав: Пора платить.

Глубоко вздохнув, Чани вновь прижалась к нему.

Я просто увилываю, подумал он. Любовь и джихад правят мною. Что такое одна жизнь, пусть беспредельно любимая, рядом с бесчисленными жизнями, которые унесет джихад? Как можно сравнивать одно-единственное горе со страданиями миллионов?

- Любимый?.. - вопросительно начала Чани.

Он прикрыл ладонью ее губы.

Что, если отступить, думал он, сбежать, пока я еще способен на это, забиться в дальний уголок пространства? Бесполезно, джихад возглавит и призрак его.

Что ответить? - думал он. Как объяснить ей прискорбную и жестокую глупость рода людского? Разве поймет даже она?

Как бы мне хотелось сказать им: «Эй, вы! Глядите, реальность не может больше меня удержать. Вот! Я исчезаю! Ни замысел человеческий, ни козни людские не заманят меня более в эту ловушку. Я сам ниспровергаю основанную мною религию! Вот миг истинной славы! Я свободен!»

Пустые слова!

- Вчера у подножия Барьерной Стены видели большого червя, говорят, длиннее ста метров. Такие гиганты теперь не часто заходят сюда. Вода отпугивает их. Я так считаю. Уже принялись говорить, что он приходил звать Муад'Диба обратно в Пустыню, - она ущипнула его. - Чего смеешься?

- И не думаю.

Застигнутый врасплох упрямым фрименским суеверием, Пауль почувствовал, как вдруг сжалось сердце: его захлестнул адаб - воспоминание, что приходит само собой. Он вспомнил детскую на Каладане, темную ночь среди каменных стен... Видение! Это было одно из первых. Ум его словно нырнул теперь в это видение,

и словно сквозь туманную дымку он увидел цепочку фрименов в одеждах, пропыленных Пустыней. Проходя мимо расщелины в высоких скалах, они уносили с собой длинный, обернутый в ткань сверток.

Тогда Пауль услышал собственные слова:

- Все это было так невозможно прекрасно... и ты была прекраснее всего...

Адаб отпустил его.

- Ты вдруг замолк и замер, - шепнула Чани. - Что с тобой?

Пауль поежился, сел и отвернулся.

- Ты сердишься, потому что я ходила на край Пустыни? - спросила Чани.

Не говоря ни слова, он покачал головой.

- Я пошла туда только потому, что хочу ребенка, - произнесла Чани.

Пауль не мог говорить. Грубая власть забытого видения не отпускала его. Ужасное предназначение! В этот миг вся жизнь его была дрогнувшей ветвью, с которой слетела птица... птица по имени Случай. Свободная воля.

Я сдался искушению, подчинился пророческому дару, подумал он.

Он видел, что подобное искушение в конце концов оставит перед ним только один путь. Может быть, видение не предсказывает будущее? Может быть, оно само его создает? Или же вся жизнь его мотыльком запуталась в паутине, а паук-грядущее подступает все ближе и ближе, шевеля хищными жвалами?

Припомнилась аксиома Бене Гессерит: прибегнув к помощи грубой силы, становишься бесконечно уязвимым для еще больших сил.

- Я знаю, ты сердишься, - произнесла Чани, тронув его за руку. - Я знаю, что племена возвращаются к старым обрядам, к кровавым жертвоприношениям, но я

не принимала в них участия.

Пауль глубоко, с дрожью, вздохнул. Поток видения разлился, оставив ровную обширную гладь, под которой струились неподвластные ему титанические силы.

– Ну, пожалуйста, – умоляла его Чани, – я хочу ребенка, нашего ребенка. Разве это ужасно?

Пауль погладил ее руку, которой она прикоснулась к нему, отодвинулся. Выбравшись из постели, он погасил плавающие лампы, подошел к окну над балконом, отодвинул шторы. Глубокой Пустыне не было пути сюда, только запахом могла она дотянуться до покоев Императора. Прямо перед его глазами уходила в небо высокая стена. Косые полосы лунного света легли на обнесенный стенами сад, неусыпные деревья шелестели широкими влажными листьями. Сквозь листву поблескивала гладь пруда. В тени угадывались яркие цветы. На миг он увидел этот сад глазами фримена: чуждое и страшное место, опасное безумным расточительством влаги.

Он вспомнил продавцов воды, чью торговлю он подорвал своими щедрыми раздачами. Они ненавидели его. Он убил прошлое. А были и другие, копившие жалкие гроши, чтобы купить потом на них драгоценную воду, – они тоже его ненавидели: за то, что он изменил древний путь. По велениям Муад'Дибя менялась экология планеты, и люди сопротивлялись переменам. Не самонадеянно ли думать, гадал он, что я и впрямь распоряжаюсь всей планетой – решаю, где, как и чему расти на ней? Но даже если бы это и было возможным, как быть со Вселенной? Не опасается ли и она чего-то подобного с его стороны?

Резким движением он задернул занавеси. В темноте он обернулся к Чани, почувствовал: она ждет его. Водные кольца ее позвякивали, словно колокольчики на кружках для подаяния у пилигримов. Устремившись на звук, он нашел ее протянутые к нему руки.

– Любимый, – шепнула она, – это я тебя расстроила?

И обхватила его руками, защищая от будущего.

– Нет, не ты, – отвечал он. – Ох... не ты.

* * *

Явление в мир лучемета и силового щита, двух видов оружия, обреченных на взрывное взаимоуничтожение, несущее гибель и нападающему, и обороняющемуся, определило структуру отраслей оружейной промышленности. Не станем вдаваться в особую роль атомной технологии. Верно, что любая из Семей, стоящих у власти в нашей Империи, способна уничтожить не менее пятидесяти планетарных баз других семейств. Да, этот факт вызывает определенное беспокойство. Но у всех давно уже готовы планы осуществления сокрушительного возмездия. Ключи от этой силы в руках Гильдии и Ландсраада. Меня же заботит развитие человека как самостоятельного вида оружия. Здесь мы имеем в настоящее время неограниченное поле деятельности, интересовавшее до сих пор лишь немногих.

(Муад'Диб. Из лекции в Военном колледже.

«Хроники Стилгара»)

Стоящий на пороге своего дома старик глядел на гостя синими-на-синем глазами. Во взгляде этом читалось привычное недоверие Пустынного люда ко всем незнакомцам. Щетинистая белая борода не могла прикрыть горьких морщин у рта. Дистикомба на нем не было, утечка влаги через дверной проем его вовсе не беспокоила – это говорило о многом.

Скитале поклонился, приветствуя соучастника условным жестом.

Где-то за спиной старика захлебывались атональные диссонансы семутной музыки – словно рыдал ребенок. Вид старика не обнаруживал признаков наркотического опьянения, значит, к семуте привык здесь не он. Порок весьма неожиданный для Дюны, подумал Скитале, отнюдь не рассчитывавший обнаружить здесь подобной утонченности.

– Привет издалека, – начал Скитале с улыбкой на плоском лице, выбранном для этого случая. Он вдруг подумал, что старику черты его могут показаться знакомыми. Кое-кто из фрименов постарше мог еще помнить Дункана Айдахо.

Выбранный облик, только что так радовавший его, мог оказаться ошибкой. Но Скитале не смел менять здесь лицо. Он беспокойно оглядывался то вправо, то влево. Почему этот старик все держит его на пороге?

- Ты знал моего сына? - спросил наконец тот.

По крайней мере это было одним из отзывов. Скитале отвечал как положено, внимательно наблюдая за всем, чтобы не пропустить малейшего признака опасности. Место ему не нравилось - короткая тупиковая улочка кончалась этим домом. Вокруг были жилища, выстроенные для ветеранов джихада. Этот пригород Арракина уходил в Котловину Империи за Тайемаг. Ровную и гладкую поверхность стен из бурой пластали нарушали только темные контуры плотно подогнанных дверей. Кое-где были нацарапаны непристойности. Как раз возле открытой двери надпись мелом объявляла, что некий Берис вернулся на Арракис с гнусной болезнью, лишившей его признаков мужественности.

- Ты пришел не один? - спросил старик.

- Один, - отвечал Скитале.

Старик кашлянул, все еще не оставляя дурацкую нерешительность. Вся опасность и крылась в подобных контактах. У старика могли найтись свои причины для колебаний. Впрочем, час был выбран правильно. Солнце стояло почти над самой головой. Жители квартала, наглухо закупорив двери, проводили самую жаркую часть дня в дремоте.

Или же старика тревожит новый сосед? - думал Скитале. Соседский дом принадлежал Отхейму, бывшему федайкину, воину-смертнику Муад'Диба. Биджас, карлик-тлейлаксу, дожидался у Отхейма своего часа.

Скитале поглядел на старика, заметил пустой рукав, отсутствие дистикомба. В манере держаться чувствовалась привычка командовать. Перед ним был далеко не рядовой участник джихада.

- Могу ли я узнать имя своего гостя? - спросил старик.

Скитале подавил вздох облегчения. Слова говорили, что его в конце концов принимают.

– Я – Заал, – отвечал он, называя выбранное для этой встречи имя.

– А я – Фарук, – отвечал старик, – бывший башар Девятого легиона. Что тебе говорит это имя?

Чувствуя угрозу в его словах, Скитале ответил:

– Ты был рожден в сietetче Табр, под рукой Стилгара.

Фарук расслабился, отступил в сторону.

– Добро пожаловать в мой дом.

Скитале вступил на вымощенный синими изразцами пол тенистого атриума. На стенах искрился выложенный из блестящих кристаллов узор; свет, лившийся из прозрачных фильтров, был неяркий и серебристый, как при полной Первой Луне. За его спиной входная дверь улеглась в уплотнительные пазы.

– Мы были благородным народом, а не изгоями, – говорил Фарук, провожая гостя в крытый дворик. – Жили мы тогда не в поселках, не в этих грабенах. У нас был настоящий сietetч в скалах Барьерной Стены, за хребтом Хаббанья. Один червь, переходом в один манок, мог донести нас в Кедем, в глубокую Пустыню.

– Все было иначе, – согласился Скитале, догадавшийся теперь, почему старик принял участие в заговоре: он тосковал по былому, по прежним временам и путям.

Они вступили в дворик. Фарук все старался преодолеть неприязнь к гостю: глаза того были лишены синевы Ибада, а Вольный Народ не доверял таким людям. Чужаки, как утверждали фримены, вечно ухитряются своим бегающим взглядом увидеть то, чего им не положено.

Когда они вошли, музыка семуты смолкла. На смену ей пришел перезвон балисета, за девятиструнным аккордом полились чистые звуки мелодии... песню

эту любили в Нараджийских мирах.

Когда глаза привыкли к полумраку, Скитале увидел юношу, сидевшего, скрестив ноги, на невысоком диване справа под аркой. Глазницы его были пусты. Со сверхъестественной чувствительностью слепого он запел, едва Скитале поглядел на него. Зазвенел высокий приятный голос:

А ветер все дул и унес песок,

Сдул землю и небеса,

И всех людей!

Кто Он, этот ветер?

Деревья стоят, шелестя листвою.

Раньше здесь пили мужи.

Зачем я увидел столько миров,

Столько мужей?

Столько деревьев?

И этот ветер?

Прежде у этой песни были совсем другие слова, подумал Скитале. Фарук отвел его подальше от молодого человека – под арку на противоположной стороне, показал на разбросанные по плиткам пола подушки. На изразцах пола были изображены морские твари.

– Вот подушка, на которой в сиече однажды сидел сам Муад’Диб, – сказал Фарук, указывая на круглый черный контур. – Теперь она ждет тебя.

– Я в долгу перед тобой, – отвечал Скитале, опускаясь на мягкую черную горку. Он улыбался. Фарук был мудр. Он умел показать свою верность, даже внимая двусмысленным песням и тайным вестям. Кто может отрицать ужасающие способности тирана-Императора?

Размеренно произнося слова, чтобы не нарушать ритма музыки, Фарук спросил:

- Не мешает ли тебе пение моего сына?

Скитале прислонился спиной к прохладному столбу, поглядел на певца:

- Мне нравится музыка.

- Мой сын потерял глаза в боях за Нарадж, - проговорил Фарук. - Его вылечили, но лучше бы он там и остался. Женщины нашего народа не станут глядеть на него. Впрочем, разве не забавно, что на Нарадже у меня есть внуки, которых я могу так и не увидеть? Знаешь ли ты, Заал, миры Нараджа?

- В дни моей юности я выступал там в труппе лицеделов, - отвечал Скитале.

- Значит, ты - лицедел, - проговорил Фарук. - Меня удивило твое лицо. Оно напомнило мне человека, которого я знал когда-то.

- Дункана Айдахо?

- Да, его. Мастера-фехтовальщика Императора.

- Говорили, что он погиб.

- Так говорили, - согласился Фарук. - Неужели ты действительно мужчина? О лицеделах говорят, что... - он передернул плечами.

- Все мы гермафродиты Яддаха, - отвечал Скитале, - пол наш меняется по желанию. Сейчас я мужчина.

Фарук задумчиво закусил губу и произнес:

- Не хочешь ли подкрепиться? Воды? Или охлажденных фруктов?

- Достаточно беседы, - ответил Скитале.

- Воля гостя - закон, - поклонился Фарук, усаживаясь лицом к гостю на другую подушку.

– Благословен еси Абу д'Дхур, Отец Бесконечных Дорог Времени, – произнес Скитале, думая: Вот! Я все сказал ему: я пришел от навигатора Гильдии и пользуюсь его покровительством.

– Трижды благословен, – ответил Фарук, ритуальным жестом складывая руки на коленях. Натруженные, покрытые венами кисти.

– Издалека видишь только общие контуры, – начал Скитале, намекая, что хотел бы поговорить о цитадели Императора.

– Но тьму и зло не примешь за их противоположность, как бы далеко они от тебя ни были, – ответ Фарука заключал совет не торопиться.

Почему? – подумал Скитале. Но спросил только:

– Как твой сын потерял зрение?

– Защитники Нараджа воспользовались камнежом, – отвечал Фарук. – Сын мой оказался совсем рядом. Проклятое атомное оружие! Камнежог тоже следовало бы запретить законом.

– Это отвечало бы букве закона, – согласился Скитале и подумал: Камнежог на планетах Нараджа! Нам не сообщали об этом. Но зачем старик завел здесь речь об этом оружии?

– Твои хозяева предлагали мне купить для него искусственные глаза тлейлаксу, – продолжал Фарук, – но в легионах говорят, что такие глаза порабощают их владельца. Сын сказал тогда, что глаза эти – металл, а он из плоти, сочетать то и другое греховно!

– Но предмет должен отвечать своему назначению, – проговорил Скитале, стараясь направить разговор в нужную ему сторону.

Сжав губы, Фарук кивнул.

– Говори прямо, что тебе нужно, – сказал он, – приходится доверять вашему навигатору.

– Ты когда-нибудь был в Императорской цитадели?

– Я был там на пиру в годовщину победы на Молиторе. Было холодно, несмотря на самые лучшие иксианские обогреватели. Еще бы, в сплошном-то камне! Ночь мы провели на террасе Храма Алие. Он насадил там деревья из многих миров, ты это знаешь. Все башары были облачены в лучшие одеяния зеленого цвета, повсюду были расставлены столики – вместо общего стола. Мне многое там не понравилось. Пришли инвалиды на своих костылях. Неужели наш Муад’Диб не знает, сколько людей ради него стали калеками?

– Тебе не понравился пир? – спросил Скитале, зная, что оргии фрименов подогревались меланжевым пивом.

– Все было так не похоже на привычное слияние душ, – кивнул Фарук, – в сиече это было иначе. Там нас объединяло тау. На пиру развлекали рабыни, мы вспоминали раны и битвы.

– Так, значит, ты был в этой каменной громаде, – гнул свое Скитале.

– Муад’Диб вышел к нам на террасу, – продолжал Фарук, – пожелал нам удачи по обряду Пустыни – это в таком-то месте!

– Знаешь ли ты, где расположены его личные апартаменты? – спросил Скитале.

– Где-то в самой сердцевине, глубоко внизу, – отвечал Фарук. – Говорят, они с Чани там, в недрах своей твердыни, живут по обычаям странников Пустыни. В большой зал он является лишь для аудиенций. Там много приемных и залов для совещаний. Целое крыло отведено его телохранителям, есть и помещения для церемоний, и ходы сообщения. А в глубинах под этой крепостью, на самом ее дне, он содержит окруженного водой оцепенелого червя, чтобы всегда можно было отравить его. Там он и взирает на будущее.

Сказки перемешаны с фактами, подумал Скитале.

– Правительственные чиновники сопровождают его повсюду, – ворчал Фарук. – Клерки с помощниками, помощниками помощников и их помощниками. Доверяет он лишь таким, как Стилгар, тем, кто был ему близок в прошлые дни.

– Но не тебе, – вставил Скитале.

– Он и думать забыл о моем существовании, – проговорил Фарук.

– А как он входит и выходит из этого сооружения? – спросил Скитале.

– Говорят, что на внутренней стене есть небольшая посадочная площадка для топтера, – ответил Фарук. – Муад'Диб никому не доверяет управление топтером, когда садится там. Надо знать, как подлетать к этому месту, при малейшей неточности аппарат разобьется об отвесную стену и рухнет в эти проклятые сады.

Скитале кивнул. Почти наверняка так оно и было. Еще одна предосторожность. Сами-то Атрейдесы всегда были превосходными пилотами.

– И дистрансы его носят люди, – возмущался Фарук. – Так замарать человека – вживлять людям модуляторы! Голос человека должен принадлежать ему одному. Позор передать чье-то послание, спрятанное в твоих словах.

Скитале передернул плечами. Все политики теперь использовали дистранс. Никто не мог сказать заранее, какие преграды встанут на пути между отправителем и адресатом. Дистранс позволил обойтись без шифров, в нем все определялось тончайшими оттенками естественных звуков, запечатленных во всей своей сложности.

– Даже его налоговые службы пользуются тем же методом, – жаловался Фарук. – В мое время дистранс вживляли только низшим животным.

Но финансовую информацию и следует держать в тайне, подумал Скитале. Сколько правительств пало, когда народы их вдруг обнаруживали действительные масштабы богатства властей.

– И как же в когортах фрименов относятся теперь к джихаду? – спросил Скитале. – Может быть, им не нравится, что из Императора делают бога?

– Большинству все равно, – отвечал Фарук, – в основном они думают о джихаде так же, как и сам я когда-то относился к нему... Муад'Диб дал нам испытать неизведанное, неожиданное, подарил богатство. Эта хибара посреди грабена, – Фарук обвел рукой свое жилище, – оценивается в шестьдесят лид Пряности. Девяносто контаров! Были времена, когда я и представить не мог ничего подобного этой роскоши. – Он с осуждением качнул головой.

В аркаде напротив слепой юноша стал наигрывать на балисете любовную балладу.

Девяносто контаров, думал Скитале, странно. Огромное богатство. «Хибара» Фарука на многих мирах покажется дворцом. Но все относительно... и контар тоже. Интересно, знает ли сам Фарук, откуда взялась эта мера веса, которой взвешивают Пряность? Наверняка он даже не задумывался о том, что земной верблюд мог поднять лишь контар с половиной. Фарук, конечно же, даже не слышал ни о Золотом Веке Земли, ни о верблюдах.

Со странной интонацией, следуя голосом за мелодией балисета, Фарук произнес:

– Был у меня крик, водяные кольца на десяток литров, копье, что принадлежало прежде отцу, кофейный прибор, бутылка красного стекла, такая древняя, что никто в сиетче не знал, когда она была сделана. И доля в добыче Пряности. Я был богат, но даже не ведал об этом. Было у меня две жены. Одна, пусть и не красавица, была дорога мне, вторая, упрямая и глупая, телом и лицом походила зато на ангела. Я был наиб среди фрименов, наездник Пустыни, покоритель червя и хозяин песков.

Юноша напротив подхватил сложный ритм речи Фарука и вплел его в мелодию, пристукивая по деке балисета.

– Сам того не ведая, я знал многое, – говорил Фарук. – Знал, где Маленькие Податели стерегут воду в недрах Пустыни. Знал, что предки мои приносили девственниц в жертву Шай-Хулуду... Это Лиет-Кинес заставил их бросить этот обряд. Напрасно послушались они его!.. И я видел, как сверкают драгоценности в пасти червя... У души моей было четверо врат, и я знал их.

Задумавшись, он умолк.

– А потом явился Атрейдес со своей матерью-колдуньей, – проговорил Скитале.

– А потом явился Атрейдес, – согласился Фарук. – Тот самый, который звался Усулом среди людей сиетча. Наш Муад'Диб, наш Махди! И когда он призывал нас к джихаду, я был среди тех, кто спрашивал: что нужно мне в этих дальних краях? За кого стану я там сражаться? Родни там у меня нет. Но другие мужчины, умные и молодые, друзья-приятели с самого детства, ушли и возвратились, а потом начался разговор о колдовском могуществе этого «спасителя» из Атрейдесов. Да, он воевал с нашими врагами, харконненцами. Его благословил Лиет-Кинес, обещавший нам рай на нашей планете. Говорили, что этот самый Атрейдес явился, чтобы преобразить этот мир и нашу Вселенную, и что в руках его ночью расцветает золотой цветок...

Фарук поднял руки, поглядел на ладони.

– Люди показывали на Первую Луну и говорили: душа его там. Его и называли Муад'Дибом. Я не понимал тогда, о чем речь.

Опустив руки, он поглядел через дворик на сына.

– В голове моей не было дум. Только забота о сердце, пузе и чреслах.

Музыка стала громче.

– Знаешь ли ты, почему я подался в джихад? – Старые глаза жестко глядели на Скитале. – Я слышал, что есть такая штука, которую зовут морем. В него трудно поверить, если прожил всю жизнь здесь, среди дюн. У нас нет морей. Люди Дюны никогда не знали моря. У нас были только ветровые ловушки. Мы все собирали воду для великой перемены, которую сулил Лиет-Кинес... Той великой перемены, которую Муад'Диб совершил мановением руки. Я могу себе представить канал, в котором вода течет по пустыне. Значит, могу представить и реку. Но море...

Фарук глядел вверх на прозрачный потолок, словно пытаюсь разглядеть за ним Вселенную.

– Море, – повторил он негромко. – Мой ум даже представить не мог его величия. Но я знал людей, которые утверждали, что видели подобное чудо. И я решил, что они лгут, но все-таки хотел убедиться в этом сам. Тогда-то я и записался в поход.

Юноша взял громкий финальный аккорд и затянул новую песню в странном неровном ритме, подыгрывая себе на балисете.

– И ты нашел свое море? – спросил Скитале.

Фарук молчал, и Скитале подумал, что старик не расслышал. Звуки балисета накатывались и разбивались волнами прибоя.

– Однажды был закат, – медленно проговорил Фарук. – Как на картинах старых мастеров. Красный, как моя бутылка. А еще золотой... и синий. Было это в мире, который зовется Энфейль, там я вел свой легион к победе. Мы шли по горному ущелью, и воздух уже изнемогал от воды. Я едва мог дышать. И вдруг внизу оказалось то самое, о чем говорили друзья: вода, вода – и ничего, кроме воды. Мы спустились. Я вошел в воду и пил. Горькая вода, неприятная. Мне потом было нехорошо от нее. Но чудо это навсегда запомнилось мне.

Скитале чувствовал, что и сам разделяет осенившее старое фримена чудо.

– Потом я погрузился в воды этого моря, – говорил Фарук, глядя на плитки пола, на морских тварей. – Из воды я поднялся другим человеком... Мне казалось, что могу припомнить даже такое, чего никогда не знал. Я озирался вокруг глазами, которые смогли бы тогда увидеть все... да, все. На волнах раскачивалось тело убитого – нам оказывали сопротивление. А еще поблизости на воде качалось бревно, огромный ствол дерева. Закрывая глаза, я и сейчас вижу его. Один конец был черным – обугленным. А еще в воде плавала какая-то желтая тряпка – грязная, рваная. Я глядел на все это и понимал, почему они здесь. Мне было предначертано их увидеть.

Медленно повернувшись, Фарук заглянул в глаза Скитале.

– Сам знаешь, Бог еще не закончил творить Вселенную, – проговорил он.

Болтлив, но глубокий, подумал Скитале и сказал:

- Понимаю, море произвело на тебя глубокое впечатление.

- Ты - тлейлаксу, - проговорил Фарук, - ты видел много морей, а я - только одно, но о морях я знаю такое, что не было открыто тебе.

Скитале почувствовал странное беспокойство.

- Мать Хаоса рождена была в море, - проговорил Фарук. - Наш квизара тафвид стоял рядом, когда я вышел из вод, промокший до нитки. Он не входил в волны. Он стоял на песке... на мокром песке, а возле него толпились те немногие из моих воинов, кто разделял его страх. Он смотрел на меня такими глазами... он понимал - я узнал такое, чего ему уже не узнать. Я приобщился к морю, и это испугало его. Море исцелило меня от джихада, кажется, он понял это.

Скитале вдруг осознал, что музыка давно умолкла. И рассердился на себя за то, что не помнил мгновения, когда затих балисет.

И словно все это имело отношение к его воспоминаниям, Фарук произнес:

- Охраняются все ворота. В цитадель Императора не попасть.

- Это ее слабость, - проговорил Скитале.

Фарук напряженно вытянул шею, ожидая продолжения.

- Путь внутрь существует, - пояснил Скитале, - и по большей части люди, в том числе и сам Император, как мы надеемся, не подозревают об этом... Что может послужить нам на пользу. - Он потер губы, чувствуя чужеродность выбранного им облика. Молчание музыканта встревожило Скитале; не означает ли оно, что сын Фарука передал всю необходимую информацию сжатой в музыкальные фразы? Теперь она была запечатлена в нервной системе самого Скитале, и в нужный момент ее можно будет извлечь оттуда с помощью дистранса, вживленного в кору надпочечников. Если сообщение действительно завершено - он уже несет в себе неизвестные фразы, словно сосуд, наполненный сведениями: именами заговорщиков, всеми условными фразами - каждой

подробностью заговора на Арракисе... ценная информация.

Эти знания позволяли им одолеть Арракис, захватить песчаного червя, увезти его за пределы власти Муад'Дибана, начать производство меланжи на иной планете. Теперь монополию можно было разрушить, обрекая этим на падение Муад'Дибана. Да, зная все это, можно было сделать многое.

- Женщина здесь, - проговорил Фарук. - Ты хочешь ее видеть?

- Я уже видел ее, - отвечал Скитале. - И внимательно изучил. Где она?

Фарук щелкнул пальцами.

Юноша поднял ребек, приложил к нему смычок. Струны зарыдали, исторгая музыку семуты. Словно привлеченная ею, из двери позади музыканта показалась молодая женщина в синем платье. Бездонно-синие «глаза Ибада» на ее лице застыли в наркотическом оцепенении. Фрименка привыкла к Пряности, но теперь ее поглотил и инопланетный порок. Сознание ее утонуло в восторгах среди мелодий семуты, затерялось далеко-далеко.

- Дочь Отхейма, - проговорил Фарук. - Мой сын дал ей наркотик, надеясь, что так он обретет женщину из Народа, несмотря на свою слепоту. Только это оказалась бесплодная победа. Тот выигрыш, на который он рассчитывал, достался семуте.

- Ее отец знает?

- Она сама ничего не подозревает. Сын мой придумал любовные воспоминания, что связывают их. В забвении она считает их своими. Ей кажется, что она любит его. Ее семья тоже верит в это. Все они в гневе, потому что сын мой - калека, но мешать им не станут.

Музыка постепенно умолкла.

Подчиняясь жесту музыканта, молодая женщина уселась возле него и нагнулась, чтобы расслышать его шепот.

- Что ты делаешь с ней? - спросил Фарук.

Скитале вновь оглядел дворик:

- Кто еще находится в этом доме?

- Мы все перед тобой, - отвечал Фарук. - Но ты не сказал еще мне, зачем тебе женщина? Мой сын хочет знать это.

Скитале поднял правую руку, словно собираясь ответить, - и блестящая иглолка, вылетев из рукава, вонзилась в шею Фарука. Ни крика, ни звука, никто не шелохнулся. Через минуту Фарук будет мертв, но пока старик еще сидел, оцепенев под действием яда.

Потом Скитале медленно поднялся на ноги и подошел к слепому музыканту. Тот еще что-то шептал женщине, когда вторая игла нашла и его.

Скитале взял женщину за руку, мягко потянул, поднимая с пола, изменив свой внешний вид прежде, чем она подняла на него глаза.

- Что случилось, Фарук? - спросила она.

- Мой сын устал, пусть отдохнет, - проговорил Скитале. - Пойдем, выйдешь через заднюю дверь.

- Мы так хорошо поговорили, - произнесла она, - кажется, я убедила его купить глаза у тлейлаксу. Они вновь сделают его мужчиной.

- Сколько раз я уже говорил это? - спросил Скитале, подталкивая ее к двери.

Голос его, с гордостью подумал Скитале, в точности соответствовал обличью. Голос старика фримена... он уже умер, конечно.

Скитале вздохнул. Он ведь действительно испытывал сочувствие к своим жертвам, да и они не могли не знать, что находятся в опасности. А теперь следует предоставить последний шанс женщине.

* * *

Во время своего становления империи не страдают отсутствием целей. Только когда к ним приходит стабильность, цели теряются, уступая место утратившему смысл ритуалу.

(Принцесса Ирулан, «Избранные речения Муад'Дибя»)

Совещание Императорского совета не ладилось. Алия сразу почувствовала, что напряженность успела как следует окрепнуть. Это было заметно по тому, как Ирулан старалась не смотреть на Чани, Стилгар нервно перекладывал бумаги, Пауль хмуро глядел на Корбу, Верховного квизара тафвид.

Алия села в конце золотого стола. В окнах, выходящих на балкон, пылало полуденное солнце.

Корба, замолкший, когда она появилась, вновь обратился к Паулю:

– Я хочу сказать, сир, что теперь богов стало меньше, чем прежде.

Закинув голову, Алия расхохоталась. Черный капюшон ее абы соскользнул с головы: синие-на-синем «глаза Ибада», овальное лицо матери под шапкой бронзовых волос, широкий полногубый рот.

Выступивший на щеках Корбы румянец был едва ли ярче его оранжевого одеяния. Он яростно поглядывал на Алию – кипящий гневом гном, сердитый и лысый.

– А знаешь ли ты, что говорят о твоём брате? – дерзко спросил он.

– Могу сказать, что говорят о твоём Квизарате, – парировала Алия. – Вы не слуги бога, вы – шпионы его.

Корба взглядом попросил поддержки у Пауля и произнес:

– Мы посланы заповедью Муад’Дибба – дабы знал он правду о людях своих, а они о нем.

– Шпионы, – повторила Алия.

Корба, надувшись, умолк.

Пауль посмотрел на сестру, удивляясь, почему она принялась дразнить Корбу. Он вдруг заметил, какой женственной сделалась Алия, в первом цветении невинной юности. Непонятно было, как он ухитрялся до сих пор не замечать этого. Ей было пятнадцать, нет, почти шестнадцать: Преподобная Мать – девственница, невинная жрица, объект трепетного поклонения суеверных масс – Алия, Дева Ножа.

– Сейчас не время и не место для легкомысленных выходок твоей сестрицы, – заметила Ирулан.

Не обращая внимания на выпад, Пауль кивнул Корбе:

– Площадь полна паломников. Выйди и возглавь их молитву.

– Но они ожидают вас, милорд, – отвечал тот.

– Надень тюрбан, издали никто не догадается, – отмахнулся Пауль.

Заставив себя подавить раздражение, вызванное подобным пренебрежением, Ирулан смотрела, как покорно повиновался Корба. Она вдруг тревожно подумала: что, если Эдрик не в силах спрятать ее от Алии? В чем можно быть уверенным, когда речь идет о его сестре?

Стиснув руки на коленях, Чани через стол глядела на дядю своего, Стилгара, первого министра Пауля. Кто знает, не сдает ли старого фрименского намба вечная тоска по простой жизни Пустынных сиегчей? Черные волосы Стилгара начинали седеть, но глаза под тяжелыми веками зоркости не потеряли. «Дикий»... в бороде его еще был заметен след от трубки дистикомба.

Потревоженный взглядом Чани, Стилгар оглядел Палату Совета.

Сквозь выходящее на балкон окно был виден Корба. Он благословлял толпу, простерев к ней руки, и вечернее солнце озаряло его багровыми отблесками. На миг Стилгару показалось, что придворный квизара тафвид распят в огненном колесе. Корба опустил руки, видение исчезло, но потрясение не проходило. Мысли Стилгара обратились к раболепным просителям, ожидавшим в приемном зале, ко всей ненавистной помпе, окружавшей трон Муад'Дибя.

Разговаривая с Императором, всякий стремится обнаружить его ошибки и слабости, – подумал Стилгар. – Святотатство. Но уж таков человек.

Корба вернулся, и вместе с ним в Зал Совета ворвался далекий гул толпы.

Дверь балкона с глухим стуком легла на уплотнение, пригасив доносящиеся снаружи звуки.

Пауль внимательно глядел на священнослужителя. Корба уселся по левую руку его, озираясь остекленевшими глазами фанатика. Миг религиозной власти всегда приносил ему упоение.

– Дух посетил нас, – произнес он.

– Благодарю за это Господа, – отвечала Алия.

Губы Корбы побелели.

Пауль посмотрел на сестру, озадаченный мотивами ее поступков. Невинная внешность ее обманчива, он прекрасно понимал это. Она ведь тоже плод генетической программы Бене Гессерит, как и он сам. У нее тоже гены Квисатц Хадераха. Но между ними всегда было таинственное различие – ведь когда мать их, леди Джессика, преобразила в себя яд меланжи, Алия была еще крохотным эмбрионом, маленьким зародышем в материнском чреве. Мать и дочь стали Преподобными одновременно. Но одновременность не означает идентичности.

Алия рассказывала ему, как в единый страшный миг она обрела сознание, как в память ее хлынули все несчетные жизни, которые мгновенно проживала тогда ее мать.

– Я была и нашей матерью, и всеми остальными сразу, – говорила она. – Еще не доношенная и не рожденная, я стала старухой.

Алия почувствовала, что Пауль думает о ней, и улыбнулась брату. Выражение его лица смягчилось. Действительно, на Корбу нельзя смотреть без улыбки, подумал он. Что может быть забавнее воина-смертника, ставшего жрецом?

Стилгар зашелестел бумагами.

– Если повелителю угодно, – обратился он к Паулю, – рассмотрим срочные дела, не допускающие промедления.

– Тупайльский договор? – спросил Пауль.

– Гильдия требует, чтобы мы подписали его вслепую, не имея информации об истинном расположении планет Тупайльской Антанты, – проговорил Стилгар. – Кое-кто из делегатов Ландсраада поддерживает их.

– Что в этом неотложного? – спросила Ирулан.

– Это решает мой Император, – отвечал Стилгар. В строгой формальности ответа консорт-принцесса услышала всю его недоброжелательность по отношению к ней.

– Мой повелитель и муж, – обратилась Ирулан к Паулю, требуя внимания.

Подчеркивать различия в титулах в присутствии Чани, подумал Пауль, – это слабость со стороны Ирулан. В подобные минуты он вполне разделял неприязнь Стилгара к принцессе, хотя сочувствие и умеряло эмоции. Бедная пешка в руках сестер Бене Гессерит.

– Да? – ответил Пауль.

Ирулан бросила на него взгляд.

– А если задержать отгрузку меланжи?

Чани неодобрительно покачала головой.

– Мы действуем с осторожностью, – ответил Пауль. – Тупайле остается местом убежища для потерпевших поражение Великих Домов. Это символ последней надежды, последний приют для всех наших подданных. Если место нахождения убежища становится явным – оно перестает быть безопасным.

– Раз они умеют прятать людей, – пробасил Стилгар, – значит, прячут еще что-нибудь. Армию, например, или попытки развести песчаного червя...

– Нельзя загонять людей в угол, – произнесла Алия, – если ты хочешь, чтобы они соблюдали мир. – К собственному прискорбию, она оказалась вовлеченной в общий спор.

– Значит, десять лет переговоров ушли впустую, – произнесла Ирулан.

– Никакое действие моего брата не совершается впустую, – ответила Алия.

Ирулан взяла стилос[1 - Приспособление для письма.], костяшки ее пальцев побелели от напряжения. Пауль видел, как она боролась с эмоциями методом Бене Гессерит: ушедший в себя взгляд, ровное дыхание. Он едва ли не слышал, как твердит она слова литании. Наконец она произнесла:

– И чего же мы добились?

– Нам удалось вывести из равновесия Гильдию, – ответила Чани.

– Необходимо избежать явной конфронтации, – подчеркнула Алия. – У нас нет желания убивать. Знамя Атрейдесов уже достаточно запятнано кровью.

Она понимает, думал Пауль. И почему только они с такой симпатией и ответственностью относятся к этой вздорной вселенной, обители драчливых идолопоклонников, к ее бурным восторгам и тихому блаженству покоя? Может быть, мы должны защитить людей от них самих, подумал он. От ничтожных занятий и пустой болтовни. Они требуют от меня слишком многого. Горло его перехватило. Сколько будет еще потерь? Сыновей, надежд? Стоит ли всего этого будущее, открывшееся ему в видении? Кто в далеком будущем напомним

живущим: если бы не Муад'Диб, вас не было бы!

- Отказом в меланже ничего не достигнешь, - произнесла Чани. - Просто навигаторы Гильдии потеряют способность ориентироваться в пространстве и времени. А твои гессеритки не смогут отличить правду от лжи. Многие просто умрут до срока. Расстроятся коммуникации. И кто будет виноват в этом?

- Ну, до этого не дойдет, они не допустят, - ответила Ирулан.

- Разве? - спросила Чани. - С чего бы это? Ведь не Гильдию же станут винить? Она подчеркнуто продемонстрирует свое бессилие.

- Мы подпишем договор, как он есть, - решил Пауль.

- Милорд, - произнес Стилгар, не поднимая глаз от стола, - всем нам в голову приходит один и тот же вопрос.

- Да? - Пауль внимательно посмотрел на старого фримена.

- Вы обладаете известными... силами, - произнес Стилгар. - Разве вы не можете обнаружить миры Антанты без помощи Гильдии?

Силами! - подумал Пауль. Стилгар мог бы сказать прямо: ты ведь знаешь будущее... значит, можешь обнаружить в грядущем и тот путь, что ведет к Тупайле!

Пауль глядел на золоченую поверхность стола. Вечно одно и то же: как объяснить необъяснимое? Разве поймут они естественную неполноту этого странного дарования? И как вообще может человек, чье сознание ни разу не преображала Пряность, воспринимать реальность, не содержащую конкретных сенсорных ощущений?

Он посмотрел на сестру. Та смотрела на Ирулан. Ощутив его взгляд, Алия кивнула в сторону принцессы. Ах-хх... да, любой их ответ непременно попадет в одно из специальных посланий Ирулан сестрам Бене Гессерит. Они все еще пытаются подыскать ключи к своему Квисатц Хадераху.

Но Стилгар заслуживал ответа, Ирулан тоже... в некоторой степени.

– Непосвященные пытаются видеть в предвидении будущего следствие естественного закона, – проговорил Пауль, положив руки перед собой. – С равным успехом можно утверждать, что так говорит с нами небо. И что способность прозревать будущее гармонично укладывается в суть человека. Другими словами, предсказание будущего естественным образом определяется подхватившей нас волной настоящего. Конечно же, способность эта маскируется в естественное обличье. Но силой нельзя пользоваться, заранее определив свои цели и намерения. Знает ли щепка, куда несет ее волна? Пророчество не подчиняется причинно-следственным законам. Причины превращаются в возможности или условия, место слияния, встречи различных течений. Допуская возможность предвидения, разум вынужден принимать несовместимые концепции. И потому он отвергает их, а отвергая, становится частью процесса реализации будущего.

– То есть ты не можешь этого сделать? – переспросил Стилгар.

– Если бы я попытался отыскать Тупайле подобным образом, – ответил Пауль, глядя прямо на Ирулан, – это скорее всего помогло бы ей укрыться от моего взора.

– Хаос! – пожаловалась Ирулан. – Никакой системы, логики.

– Я же сказал, что эта способность не подчиняется естественному закону, – пожал плечами Пауль.

– Значит, твое предвидение не беспредельно? Ты не все можешь увидеть? – настаивала Ирулан.

Но прежде чем Пауль успел ответить, Алия произнесла:

– Дорогая Ирулан, предвидение безгранично, но бессистемно. Вселенная вовсе не обязана быть упорядоченной.

– Но он говорил...

– Разве может даже брат мой описать границы беспредельного, если они ускользают от разума?

Не надо было Алие говорить это, подумал Пауль. Ирулан встревожится. Сознание ее осторожно, она во всем ищет четких границ. Взгляд его обратился к Корбе, тот сидел в позе почтительного поклонения и с трепетом фанатика «внимал всей душой». Теперь и Квизарат осведомлен. Как же – еще одна тайна пророка! Еще один повод к благоговению? Естественно.

– Итак, подписываем договор в его нынешнем виде? – спросил Стилгар.

Пауль улыбнулся. По мнению Стилгара, дальнейшие разговоры о силах пророков были излишни. Стилгар всегда стремился к победе, не к истине. Мир, справедливость, твердая валюта – на трех этих китах зиждется вселенная Стилгара, и ему нужен объект реальный и осязаемый – подпись под договором.

– Я подпишу, – ответил Пауль.

Стилгар взял другую папку.

– По последним сообщениям командиров полевых частей, в Иксианском секторе возобновилась агитация за конституцию. – Старый фримен поглядел на Чани, та пожала плечами.

Ирулан, сидевшая закрыв глаза ладонями в мнемоническом трансе, открыла глаза и внимательно посмотрела на Пауля.

– Иксианская конфедерация обещает покорность, но их послы оспаривают размер имперского налога, который...

– Они хотят ограничить волю Императора рамками закона, – произнес Пауль, – и кто же собирается править мной: КООАМ или Ландсраад?

Стилгар извлек из папки записки на бумаге-инстрой.

– Этот меморандум один из наших агентов отослал прямо с закрытого заседания фракции меньшинства КООАМ в Ландсрааде. – Ровным голосом он зачитал текст:

– «Следует воспрепятствовать претензиям трона, рвущегося к самовластию. Мы должны поведать всем правду об Атрейдесе, о том, как маневрирует он между тремя основами – законодательством в лице Ландсраада, религиозной санкцией и бюрократической эффективностью». – Он убрал записку в папку.

– Конституция... – пробормотала Чани.

Пауль взглянул на нее, потом на Стилгара... подумал: Итак, джихад выдыхается, но не настолько быстро, чтобы я сумел уцелеть. Мысль эта вызвала эмоциональную реакцию. Он вспомнил первое видение, открывшее ему ужасы будущего джихада, охватившие его смятение и отвращение. После ему случалось видеть и более кошмарные видения. Вечное насилие повсюду. Своими глазами видел он, как в порыве воинского мистицизма сметают любое сопротивление мстители-фримены. Джихад приобретал новый вид. К счастью, его бытие недолговечно – миг в сравнении с вечностью, – но за ним уже маячили новые кошмары, затмевавшие все, что свершилось.

И все творится моим именем, думал Пауль.

– Быть может, лучше даровать им видимость конституции, – предложила Чани, – не реализовывая ее.

– Обман – один из инструментов правителя, – согласилась Ирулан.

– У любой власти есть границы. Воспользоваться ими всегда надеются многие из тех, кто добивается конституций.

Почтительно склонившийся Корба выпрямился:

– Мой господин?..

– Да? – отозвался Пауль. Вот оно! Именно Корба может испытывать тайные симпатии к надуманной власти закона.

– Конституция может иметь религиозную окраску, – начал Корба, – если обещать кое-что верным...

- Нет! - отрезал Пауль. - Будет приказ Совета. Регистрируешь, Ирулан?

- Да, милорд, - отвечала она прохладным тоном, еще раз выражая недовольство ролью секретаря, которую выполняла по его приказу.

- Конституция приводит к окончательному произволу, - начал диктовать Пауль. - Окаменелая структура обретает власть над обществом. Конституция пробуждает дремлющие социальные силы. Они равно сокрушают высоких и низких, любое достоинство и всякую личность. Конституции нестабильны, они неуравновешенны, в них отсутствуют ограничения. И будучи верны Нашему решительному и постоянному стремлению ограждать Наш народ, Мы настоящим запрещаем конституцию как таковую. Дано в Совете сего числа - ставь дату и все такое прочее.

- А как реагировать на озабоченность иксианцев величиной налога, милорд? - спросил Стилгар.

Пауль заставил себя оторваться от задумчивого и недовольного лица Корбы и произнес:

- Что ты предлагаешь, Стил?

- Налоги следует контролировать, сир.

- За мою подпись на Тупайльском договоре, - продолжил Пауль, - Гильдия уплатит согласием Иксианской конфедерации на наши налоги. Конфедерация торгует, используя корабли Гильдии. Они заплатят.

- Очень хорошо, милорд. - Стилгар извлек новую папку, прокашлялся. - Отчет Квизарата по Салусе Секундус. Отец Ирулан проводит маневры... отрабатывает высадку своего легиона.

На шее Ирулан внезапно задергалась жилка.

- Ирулан, - обратился к ней Пауль, - ты до сих пор продолжаешь настаивать, что легион твоего отца - всего лишь игрушка в руках старика?

- Что можно сделать с одним легионом? – спросила она, искоса взглянув на него.

- Например, погибнуть, – ответила Чани.

- А обвинят меня, – согласился Пауль.

- Многие из моих командиров закипели бы гневом, если бы только подобное стало известно.

- Но это же всего лишь полиция! – возразила Ирулан.

- Полиция не занимается маневрами, – произнес Пауль. – И я хочу, чтобы в одном из твоих посланий отцу в самое ближайшее время оказалось бы четкое и недвусмысленное изложение моего мнения по этому деликатному вопросу.

Она потупилась.

- Да, милорд. Надеюсь, что этого хватит. Впрочем, из отца выйдет хороший мученик.

- М-мм, – протянул Пауль, – без моего приказа сестра не станет извещать своих командиров.

- Нападение на моего отца сулит и другие неприятности, кроме военных, – добавила Ирулан. – Люди и так уже начинают не без сожаления вспоминать о его правлении.

- Когда-нибудь ты наконец зайдешь слишком далеко, – смертельно серьезным фрименским тоном произнесла Чани.

- Довольно вам! – приказал Пауль.

Он взвешивал выпад Ирулан... всеобщая ностальгия. Ах, конечно же, в словах ее слышалась правда! Ирулан опять доказала свою истинную цену.

– Бене Гессерит прислали официальное прошение, – произнес Стилгар, берясь за очередной документ. – Они обращаются к Императору по поводу сохранения его наследственной линии.

Чани искоса бросила взгляд на папку, словно в ней крылось нечто смертельно опасное.

– Отошли Сестрам обычные извинения, – отвечал Пауль.

– Зачем же? – возразила Ирулан.

– Быть может... пришла пора обсудить этот вопрос, – произнесла Чани.

Пауль отрицательно покачал головой. Никому не следует знать, что он еще не решился платить свою часть всей цены.

Но Чани было трудно остановить.

– Я побывала у молитвенной стены родного сietetча Табр, – сказала она. – У врачей тоже. Я преклонила колени в Пустыне, обратив свои помыслы к глубинам, в которых обитает Шай-Хулуд... Но, – она пожала плечами, – ничего не помогает.

Ни наука, ни суеверие не помогли ей, думал Пауль. И я тоже не помогу. Зачем ей знать, что случится, если она родит его – наследника Дома Атрейдес? – Он поглядел вдоль стола и увидел сочувствие в глазах Алии. Огонек сочувствия не вдохновлял его. Или же и она тоже видела эти ужасные перспективы?

– Господин мой знает, какими опасностями для государства чревато отсутствие у него наследника, – примешивая масляные интонации к Голосу Бене Гессерит, произнесла Ирулан. – Подобные вещи трудно обсуждать, учитывая их деликатность, но этот вопрос нельзя более откладывать. Император не только мужчина. Он – символ государственной власти. В случае его смерти может разразиться гражданская война, если не будет наследника. Если ты действительно заботаешься о своем народе, престол нельзя оставлять без наследника!

Пауль отодвинулся от стола, встал и подошел к балкону. За окнами ветер прижимал к земле дым городских очагов. На фоне темно-синего неба серебрился мелкий песок, по вечерам осыпавшийся с высот Барьерной Стены. Он глядел на юг, на горы, укрывавшие город от кориолисовых ветров, и думал: почему же сердцу его не дано покоя?

Совет молчаливо ожидал: все видели, насколько он близок к гневу.

Пауль почувствовал, как время обрушивается на него. Он пытался заставить себя вернуться к уравновешенности многих вариантов... может быть, удастся повлиять на будущее.

Освободиться... освободиться... освободиться, думал он. Что, если взять Чани и вместе с нею искать убежища на Тупайле? Имя его останется. Джихад найдет себе новую, еще более грозную опору... Тогда его будут винить и в этом. Он вдруг испугался: потянувшись к чему-то новому, он неизбежно выронит свою главную драгоценность... ведь даже легкий шорох его движений способен повергнуть Вселенную в хаос, а обломки разлетятся во все стороны, так что потом не найти ни кусочка.

Внизу по площади лентой тянулись паломники в черно-зеленых одеяниях хаджа. Словно ползет, извиваясь, за проводником-арракинцем большая змея. Вид толпы напомнил Паулю, что приемный зал уже полон. Паломники! Их благочестивые странствия давали Империи прискорбно нечистый барыш. Хадж наполнял корабли странниками. И они все шли, шли и шли.

Как это мне удалось растормошить всю Вселенную? – мысленно удивился он. Ах, нет же, все вышло само собой. Все это заложено в генах, столетиями накапливалось напряжение, чтобы разрядиться в недолгом пароксизме.

Движимые глубочайшим религиозным чувством, люди искали надежды на воскресение. Здесь и кончалось паломничество: «Арракис – место возрождения, место упокоения».

Старые зануды-фримены не переставали твердить, что планета привлекает пилигримов ради их воды.

Так чего же на самом деле ищут паломники? – думал Пауль. Они твердят, что здесь священное место. Но людям давно уже следовало понять, что во Вселенной нет Эдема для души, нет для нее Тупайле. Арракис они именовали местом тайн, где неведомое находит свое объяснение. Здесь завязывается связь между этим миром и следующим. Но все они отбывали восвояси удовлетворенными, и это пугало Пауля.

Что они здесь находят? – спрашивал он себя.

Часто в религиозном экстазе они наполняли улицы какими-то странными птичьими криками. Фримены так их и называли: «перелетные птицы». Те немногие, кто встретил здесь свою смерть, объявлены были «окрыленными душами».

Вздыхнув, Пауль подумал о том, что с каждой новой планеты, покоренной его легионами, немедленно начинает извергаться вереница паломников – в благодарность за мир, данный им Муад'Дибом.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Приспособление для письма.

Купити: <https://tellnovel.com/frenk-gerbert/messiya-dyuny>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)